

Детектив & Путешествие

ЮЛИЯ
АЛЕЙНИКОВА

Детектив-Путешествие

Юлия Алейникова

Труп на английской лужайке

«ЭКСМО»

2013

Алейникова Ю. В.

Труп на английской лужайке / Ю. В. Алейникова — «Эксмо», 2013 — (Детектив-Путешествие)

Об истинном социальном статусе нынешнего жениха Вероника узнала лишь после помолвки, буквально на пороге его поместья, которое по размеру и пышности комнат могло бы соперничать даже с Букингемским дворцом. Джон ужасно боялся признаваться любимой в принадлежности к высшему сословию английской аристократии, Вероника же считала одним из главных достоинств Джона его незнатное происхождение. А он оказался ни много ни мало потомственным графом Ньюкастл-Апон-Тайном. По сравнению с его несметными богатствами даже любимый отчим Вероники русский олигарх Василий Ползунов выглядит мелким лавочником. Но спокойно и без происшествий выйти замуж Вероника не может. В поместье убивают знакомую семейства Шарлотту Грейсток, а пистолет, из которого была застрелена старушка, полиция обнаруживает в сумочке Юлии, матери невесты. Кто бы сомневался, что и на берегах туманного Альбиона Ползуновы снова окажутся в гуще криминальных страстей?..

© Алейникова Ю. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	38
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлия Алейникова

Труп на английской лужайке

Глава 1

Высокогорные и непредсказуемые

– Эти... налоги... разорили... честных людей! Эти новые... законы до... разорили... вроде меня, пытающихся сохранить... наследие... предков! – Сэр Патрик смачно сплюнул на ковер под испепеляющим взглядом мистера Дайсона, дворецкого. Кажется, последний специально прибыл в столовую проследить за поведением гостя. – Эй, парень! – обратился сэр Патрик к проходившему у него за спиной лакею. – Куда это ты собрался с... запеканкой? Накладывай... давай, и побольше, мне надо до... ужина наесться.

Василий Никанорович Ползунов, накануне вечером прибывший в Гарт Мэнор, поместье своего будущего высокородного зятя Джона Кавендиша, потомка герцогов Апон-Тайнов, и еще не успевший толком осмотреться на месте и познакомиться с местным обществом, сейчас, сидя в большой парадной столовой за завтраком, уже минут пять не мог закрыть рот и, кажется, даже не моргал, глядя остеклевшими глазами на экзотическое существо, по-своему расположившееся по другую сторону стола.

Сэр Патрик, ближайший сосед Апон-Тайнов, потомок древнего обедневшего рода, частенько оказывал честь герцогу и его семейству, нанося частые спонтанные визиты, как правило, приуроченные либо к завтраку, либо к обеду, реже к ужину.

Сэру Патрику было около шестидесяти пяти лет, во всяком случае, так он выглядел. Манеры у него были своеобразные. Его лордство имел обыкновение не стесняться в выражениях, и большую часть его эпитетов и прилагательных в приличном обществе никто бы повторить не рискнул. Он же своей лексики вовсе не стыдился, единственным человеком, способным привести его в трепет и призвать к порядку, была Виктория, маркиза Ньюкасл-Апон-Тайн, мать Джона. Ей достаточно было одного взгляда, чтобы призвать сквернословя и грубияна к порядку. Вероятно, потому, что ей одной хватило бы характера отказать ему в дармовом столе, а это в его нынешнем финансовом положении было равносильно голодной смерти.

Но маркиза задерживалась, и сэр Патрик развернулся во всю ширь своей натуры, чувствуя себя как дома. Его давно не чесанные и, что греха таить, немые седые патлы торчали как куст чертополоха, желтые крупные зубы хищно впивались в огромный кусок ветчины, который он буквально сдернул с подноса, проплывавшего мимо него. Засаленный вельветовый пиджак, некогда черного, а теперь неопределенного бурого цвета оттенял яркий шелковый платок, заменявший собой отсутствующую рубашку. Впрочем, майка под пиджаком была, но какой-то пятой или шестой свежести. Носки сэра Патрика всегда поражали Юлю смелостью цветовой гаммы. За те две недели, что она гостила в замке, он ни разу не надел двух одинаковых носков. Иногда они были женскими, а иногда, кажется, детскими, с какими-нибудь зайчиками или солнышками. Сегодня на нем был голубой полосатый носок, застиранный и вытянутый, который прелестно гармонировал с желтым в горошек собратом. Юля до сих пор не могла понять: то ли он так равнодушен к своему костюму, то ли это его способ привлечь к себе внимание, хотя его и так трудно не заметить. Самой же эффектной частью костюма сэра Патрика были старые вытянутые спортивные штаны, заботливо заправленные в эти самые носки. На ногах красовались полуразвалившиеся штиблеты.

– Юль, – шепотом спросил Василий жену, гостившую в Гарт Мэноре уже вторую неделю и хорошо знакомую с местным обществом, с трудом оторвав взгляд от достойного сэра, – а что это у него за спиной?

А за спиной у сэра Патрика стоял прислоненный к спинке стула металлоискатель. С ним на Юлиной памяти он еще ни разу не расстался.

Патологически, яростно презирая труд, сэр Патрик, однако, не терял надежды и страстного желания зажить блистательно и достойно. С этой целью он неумолимо прочесывал свои владения, а также не гнушался и прилегающими землями соседей, движимый болезненной манией найти клад. Это теоретически не было лишено вероятности, но практически...

Бедный, не подготовленный к подобным эмоциональным потрясениям российский олигарх с трудом удержался, дабы не покрутить вилкой у виска.

В это время в столовую бодрым, энергичным шагом вошла подтянутая, как всегда собранная Виктория, и сэр Патрик засобирился.

Торопливо распахивая по карманам все, до чего смог дотянуться, он буркнул на прощание что-то нечленораздельное, вскинул на плечо свою железяку, задрал вверх тощий небритый подбородок, расправил худые плечи и, выставив вперед, на манер копья, кадык, покинул столовую, едва не проткнув им насквозь дворецкого.

Виктория заняла свое место за столом, трапеза продолжилась.

– Ну, просто рыцарь печального образа! – буркнул себе под нос Василий, возвращаясь к еде.

Но Василию не судьба было спокойно переварить первый завтрак в поместье будущего зятя. Едва впечатления от знакомства с сэром Патриком ослабели, как старинные своды огласила пронзительно высокая музыкальная нота. Она резко оборвалась, а вслед за этим в столовую стремительно влетел ее источник. Держа наперевес гитару, прогнувшись так, что едва не касался макушкой пола, Николас проскользил почти до самого стола и только тут распрямился со счастливой улыбкой на лице.

– Всем привет! – радостно прогрохотал он, садясь на свое место во главе стола.

– Это еще что за клоун в кожаном трико? – вытаращился Василий на новое явление. – Я куда попал? В частное загородное поместье или частную элитную психушку?

– Тише ты! – шикнула на мужа Юлия, дико сочувствуя ему в душе. – Это герцог! Дед Джона.

– Это кто? – просипел плохо подготовленный к встрече с будущими родственниками Вася.

Вид у дедули действительно был слегка пикантным.

Кожаные в обтяг штаны, ковбойские сапоги с бряцающими шпорами. Пестрая рубаха, расстегнутая до пупа, бандана и длинные седые волосы почти до пояса. Фенечки, браслеты, бусы, цепи, серьги и прочая бижутерия в избытке дополняли его костюм. Дедуля был высок, худощав и все еще строен, несмотря на свои шестьдесят девять лет, со следами былой мускулатуры на торсе. Присутствующая тут же пятая супруга бодрого дедка смачно чмокнула его в щеку, глядя на свою удивительную половину влюбленными глазами. Супруге было тридцать два.

Саманта, или, поскольку в замке была принята свободная манера общения, просто Сэм, Юле нравилась. В ней мадам Ползунова видела родственную душу. Сэм уже год как вышла замуж за герцога, но так и не смогла освоиться на новом месте. Выросла она в семье бухгалтера и менеджера по персоналу со средним достатком, и вела обычную жизнь, как и тысячи ее сверстников. К моменту знакомства с дедушкой Апон-Тайном Сэм работала в звукозаписывающей или продюсерской компании, Юля не совсем поняла. Познакомились они в ночном клубе, на выступлении дедушкиной группы. И Сэм в короткий срок превратилась из страстной

поклонницы его творчества в не менее страстную поклонницу самого Ника. Спустя полгода они поженились.

Но в замке Сэм так и не освоилась. Юле это было совершенно очевидно. Девушку без конца бросало из крайности в крайность. То она пыталась свыкнуться с новой для нее ролью великосветской дамы и одевалась в элегантные платья и туфли-лодочки, ведя себя холодно и чопорно. То, словно опомнившись и придя в себя, натягивала джинсовые шорты, майки, кенгурушки, волосы у нее поднимались, как иголки у ежа, а речь пополнялась сленгом и яркими, сочным междометиями, впрочем, вполне приличными, в отличие от высказываний сэра Патрика. По тоске, застывшей в глазах новоиспеченной герцогини, ясно было видно, что она бы с удовольствием переселилась в обычный деревенский коттедж, сама занялась хозяйством и обрела прежнее душевное равновесие.

Но с герцогом она никогда об этом не заговаривала, а ему, по-видимому, просто в голову не приходило, что кто-то может чувствовать себя не в своей тарелке в его уютном, гостеприимном доме. Ибо герцог воспринимал свои четырехсоткомнатные хоромы просто как дом.

Помимо Юлии, Василия и уже упоминавшихся молодоженов, за столом в то утро собрались: Юлина дочь Вероника, она же невеста наследника рода Апон-Тайнов, ее жених Джон, граф Ньюкасл-Апон-Тайн, его отец Адам, маркиз Ньюкасл-Апон-Тайн, его супруга Виктория, мать Джона, а также дальний родственник Апон-Тайнов, прибывший недавно из штатов Стив Янг, и мистер Арчибальд Кук, историк, гостивший в поместье с целью написания докторской диссертации – его интересовал кто-то из выдающихся представителей рода Ньюкасл-Апон-Тайнов.

Если не считать самого герцога, то остальное общество выглядело вполне прозаически. Ну, почти.

Конечно, ступив вчера вечером под пышные, величественные своды Гарта, Василий ожидал столкнуться нынче утром с обвешанными бриллиантами и орденами, напыщенными, свежзамороженными, неприступными и горделивыми представителями английской аристократии, облаченными в твид и кашемир. Увы.

Единственным человеком, полностью соответствовавшим консервативным представлениям супругов Ползуновых о том, как выглядят настоящие английские леди и лорды, была Виктория. Всегда выдержанная, элегантная, с прямой спиной, строгим, ясным взглядом серых глаз, не худенькая, но подтянутая, в строгих элегантных платьях, с неизменной ниткой жемчуга на шее и аккуратно уложенными светлыми волосами, Виктория являла собой образец. Образец всего. Выдержки, самодисциплины, порядочности, аккуратности, стиля и здравомыслия. Рядом с ней было невероятно спокойно, надежно и... до смерти скучно.

Зато она изумительно гармонировала с окружающей средой, которая произвела на Василия Никаноровича неизгладимое впечатление.

Юлия сама испытала настоящий шок, впервые увидев поместье будущего зятя. Две недели назад, когда она вместе с младшей дочерью Марусей и ее няней прибыла в Гарт Мэнор, первым ее порывом было трусливо сбежать, ибо увиденное подавляло.

– Они что, здесь живут? – неожиданно севшим голосом поинтересовалась Юля у дочери.

Дворец Ньюкасл-Апон-Тайнов едва ли уступал размерами Букингемскому. Пышность убранства соответствовала. Юлии, рожденной и проведшей большую часть своей жизни в типовой питерской квартире, переварить факт постоянного проживания в памятнике истории, дворце сродни Петергофскому, Зимнему или Царскосельскому, было трудновато, и Веронике пришлось буквально протолкнуть мамулю в широко распахнутые огромные двери.

Вся эта катавасия с Вероникиной свадьбой началась ровно год назад и не выглядела настолько устрашающе, поскольку первым женихом Юлиной дочери был маркиз Хантли, владевший хоть и большим, но вполне приемлемым по размерам замком. Такой мог купить и

Василий. Помолвка закончилась удачно, жениха посадили за убийство собственной мамочки, а Вероника обрела свою истинную любовь – Джона Кавендиша, графа Ньюкасл-Апон-Тайна.

Почему подобное завершение первой помолвки Юлия считала счастливым? Потому что ее первый несостоявшийся зять цинично использовал Веронику в качестве козла отпущения, она должна была понести наказание за совершенное им убийство. К тому же его семейство отличалось закостенелым снобизмом и ксенофобией, что, естественно, не могло вызвать оптимизма у семейства Ползуновых. А Джон был университетским приятелем Вероники, во всяком случае, она его таковым считала до тех пор, пока он, как истинный рыцарь без страха и упрека, не кинулся первым ей на помощь, когда бедняжка оказалась в тюрьме. Он нашел адвоката, засучив рукава кинулся на поиски настоящего убийцы, разумеется, вместе с Юлией, и избавил возлюбленную от обрушившегося на нее несчастья.

Об истинном социальном статусе нынешнего жениха Вероника узнала лишь после помолвки, буквально на пороге его поместья. Джон ужасно боялся признаваться Веронике в принадлежности к высшему сословию после ужасной истории с ее первой помолвкой, поскольку Вероника категорически зареклась связываться с аристократическими отпрысками и считала одним из главных достоинств Джона его простоту, точнее – простоту его происхождения. Поскольку сам молодой человек, разумеется, был незаурядным. Незаурядно добрым, преданным, искренним, красивым, умным, в общем, самым замечательным на свете. До знакомства Вероники с его семьей Джон весьма дипломатично рассказывал о своих родственниках: его мать работает в крупном благотворительном фонде, что, в общем-то, было правдой, просто он забыл сказать, что она является его учредительницей и главой. Отец – врач, который сейчас отошел от дел и увлекся энтомологией. Про дедушку Джон скромно сообщил, что он руководит небольшим семейным делом. Как выяснилось позже, Джон имел в виду огромное родовое поместье, в котором трудится около шестисот человек; еще, по словам Джона, дедушка обожает музыку и даже сам немного играет на нескольких инструментах. Что опять-таки было недалеко от истины. Единственное, что не уточнил Джон, это какой именно музыкой увлекается дедуля, а также то, что у него имеется собственная рок-группа, фан-клуб и звукозаписывающая студия.

В общем, было от чего обалдеть в шок после знакомства с будущими родственниками. Зато, несмотря на несметное богатство, рядом с которым даже состояние Василия выглядело накоплениями мелкого лавочника, и невероятную знатность, семейство Джона приняло Веронику с распростертыми объятиями, не гнушаясь ее простонародным происхождением и национальностью. В замке Хантли на семейство Ползуновых смотрели, брезгливо поджав губы.

Все вместе взятое говорило в пользу сделанного Вероникой выбора, хотя Юлии все равно было трудно свыкнуться с новой жизнью дочери. Особенно сложно было освоиться в ее будущем «доме». Когда утром, еще не до конца осознав, где она находится, Юля открывала глаза и ее сонный взгляд упирался в расписной с позолоченной лепниной потолок, уходящий куда-то в небесные сферы, лоб неизменно покрывался испариной, а сознание собственного ничтожества заставляло забиться под одеяло, чтобы снять стресс. Ну не привыкла она жить в музее! Каково было бы вам просыпаться в Эрмитаже? Количество ценных экспонатов тоже не уступало его собранию. Поэтому путь в столовую занимал у Юли, как правило, не меньше часа, она то и дело застревала возле каких-нибудь полотен или скульптур, а уж если направиться в столовую новым маршрутом, так и вовсе вместо завтрака доберешься туда к обеду.

Дворец был огромным, порядка четырехсот пятидесяти помещений. В поместье имелся внушительный штат обслуживающего персонала. Помимо обычного набора прислуги – горничных, лакеев, экономок, имелась отдельная команда, следящая за текстилем (портьеры, покрывала, балдахины), команда столяров, человек, отвечающий за завод часов, каменщик, пара землекопов, библиотекарь, хранитель коллекции и много кто еще.

При этом во дворце протекала обычная повседневная жизнь небольшого, но дружного семейства Апон-Тайнов, а также не переводились гости. Сегодня к обеду ожидалась еще какая-то компания. Юлия не очень вникала, кого именно ждут, поскольку встретить здесь знакомых все равно не рассчитывала.

– Дайсон, – обратилась Виктория к дворецкому, прочитав только что поданную ей записку, – распорядитесь приготовить комнату для леди и лорда Грейсток. Шарлотта приезжает завтра к ужину, – пояснила она для остальных.

Судя по кислому лицу Адама, известие его не обрадовало. Адам, маркиз Апон-Тайн, был тихим, невзрачным человеком, редко участвующим в общих беседах, вечно погруженным в себя, и являющим полную противоположность своей супруге. Он был какой-то нечеткий, словно размытый. Его редкие суждения были скорее мыслями вслух, более вопросительными, чем утвердительными. Такими же несмелыми были его манеры. Он словно сомневался, а надо ли ему совершать то или иное действие?

– Да ладно, Адам, они наверняка ненадолго! Максимум на недельку. К тому же у Шарлотты бывает очень напряженная программа. Благотворительные заседания, посещение ближайших приходов, приютов, – подбодрил сына Ник.

– Если она в этот раз снова возьмется за викария, нас отлучат от церкви. Помяни мое слово! – мрачно ответил маркиз, не желая заряжаться оптимизмом.

– Стив, вы давно с ней не виделись? – в голосе маркиза проснулась робкая надежда, когда он обратился к их американскому гостю.

– Как сказать? – задумчиво проговорил Стив, словно прикидывая, как считать: по количеству прошедшего календарного времени или по приятному осадку, оставленному последней встречей.

– Вижу, вы соскучились по троюродной тетушке! – оживился Адам. – Будем надеяться, она по вас тоже.

Видимо, тесное общение с неизвестной семейству Ползуновых Шарлоттой было тяжким бременем, и Юля сделала для себя заметку держаться от нее подальше.

Стив Янг явно был солидарен с родственником, поскольку погрузился в глубокую задумчивость, свесив на грудь свой мясистый нос.

Американский родственник Джона, Стив Янг, был человеком приятным и неглупым, к сожалению, он почти все время мотался по делам наследства, ради которого и прибыл в туманный Альбион. И тем не менее он уже успел подружиться со всеми обитателями Гарта. Редкие замечания, которые он вставлял в общие разговоры за столом, были обычно уместными и остроумными. А его лукавые карие глаза и открытая обаятельная улыбка располагали к себе. Так что в поместье он быстро освоился и стал уже своим человеком, не требующим от хозяев много внимания, но составляющим им временами приятную компанию.

Мистер Кук, историк, поселившийся в поместье, в застольных беседах участие принимал редко, не считая, видимо, себя полноправным членом местного общества. Хотя он тоже был человеком приятным и неглупым. Невысокий, поджарый, с кривоватыми ногами и чуть оттопыренными при ходьбе руками, словно футбольный вратарь, он был человеком живым и энергичным. Даже странно, как ему удавалось подолгу просиживать за работой. Но работал он увлеченно и всерьез. Юлия иногда заглядывала к нему в библиотеку. Арчибальд был остроумным, открытым, общительным человеком, и Юля с удовольствием подружилась бы с ним. Но, к сожалению, в отличие от нее, Арчибальду приходилось труднее, и намного, поскольку незадолго до его прибытия поместье Гарт Мэнор лишилось своего архивариуса. Этот человек проработал на своем посту почти полвека и знал хранящиеся во дворце исторические документы как свои пять пальцев. Но, к сожалению, совершенно неожиданно для всех, в одно прекрасное утро, выехав за ворота парка, он больше не вернулся, попав в аварию. Смерть наступила почти мгновенно. Апон-Тайны так привыкли к своему верному хранителю древностей, что до

сих пор не удосужились найти ему преемника, и теперь бедняга Кук вынужден был сам тратить уйму времени на поиск нужных материалов, работать с каталогами и реестрами. Однажды Юля попыталась помочь коллеге. Но, надыхавшись вековой пылью, сбежала из хранилища, заливаясь слезами и шмыгая носом, мечтая избежать серьезного аллергического приступа. Так что несчастному Арчибальду приходилось трудиться с утра до позднего вечера. Поскольку чем больше материала он сможет собрать за время пребывания в замке, тем более развернутым, глубоким и емким будет его труд, а время пребывания в Гарт Мэнор у него было ограничено. Впрочем, Юля не сомневалась – обратиться он к герцогу с просьбой продлить свой визит, тот с радостью согласится.

Надо сказать, что семейство Апон-Тайнов при всем своем радушии отличалось еще и поразительной ненавязчивостью. Никто из них не лез не в свои дела, предоставляя каждому право выбора, чем себя занять. И Юля, сперва обрадовавшаяся такому отношению, ближе к приезду Василия начала скучать. Вероника с Джоном были слишком поглощены друг другом, чтобы обращать внимание на кого-то еще, и, познакомив Юлию с замком и его окрестностями, как-то незаметно погрузились в свой мир. Виктория работала, Адам занимался изысканиями у себя в кабинете, который он облюбовал в дальнем конце западного, редко посещаемого крыла. Герцог с герцогиней были столь энергичными и деятельными натурами, что Юлия все равно бы не смогла за ними угнаться. Из своих обширных первоначальных планов ей удалось осуществить лишь жалкую часть.

Первое путешествие после прибытия в Гарт Юля совершила в Озерный край – живописнейший национальный парк, славящийся безупречно синей гладью озер, зелеными благоухающими холмами и уютными средневековыми деревеньками.

Еще она побывала в Ливерпуле и посетила музей «Битлз», а заодно Ливерпульский музей и картинную галерею Уокера. В этой поездке Джон с Вероникой с удовольствием составили ей компанию, правда, из галереи вытаскивать Юлю им пришлось чуть ли не силой. Там обнаружилось замечательное собрание картин импрессионистов, Юлиных любимых Дега, Сезанна и Матисса. Особенное удовольствие Юле доставили бы поездки в автомобиле, но она ужасно боялась левостороннего движения, а подходящего компаньона найти было сложно. А жаль: вересковые пустоши, развалины замков и аббатств, живописные деревушки, озера, роши – так хотелось попутешествовать не спеша, без всяких планов и обязательств! Но ничего. Теперь, с приходом Василия, Юля обрела достойную и подходящую компанию и была преисполнена надежд провести ближайший месяц интересно и с пользой. Она уже составила список достопримечательностей, которые им с Василием стоит осмотреть в ближайшей округе, и не только – проработала маршруты и горела желанием немедленно приступить к реализации своих планов. Но, взглянув на мужа, решила пока его не травмировать, зная «любовь» Василия к подобным развлечениям, а дождаться конца завтрака и уже тогда взять тепленьким и беззащитным.

Юля взглянула на часы, потом на тарелку мужа. Василий тревожно заерзал.

Глава 2

О пользе здорового питания

Конечно, они никуда не поехали: Василий две недели не видел дочь, и, следовательно, Маруськина няня получила несколько выходных, а Василий дал волю отцовским чувствам. Целыми днями он мог возиться с обожаемой дочуркой. Юля с ужасом наблюдала, как он ее балует, предчувствуя, что она вырастет самым избалованным ребенком на свете. Стоило появиться папочке, и слово «нет» исчезало из семейного лексикона.

Василий сам купал ребенка, менял ей памперсы, высаживал на горшок, кормил, гулял, играл, пел, скакал, рисовал, исполнял любые желания. Умилительно было наблюдать, как могучий Ползунов с красной от усердия лысиной скачет на четвереньках по зеленой лужайке, а верхом на нем сидит заливающаяся смехом Маруська. Или как Василий вместе с Маруськой переодевает кукол, пытаясь застегнуть крошечные пуговицы своими неуклюжими сарделькообразными пальцами.

Он пел ей песенки, часами таскал на руках, позволял спать в родительской кровати. Впрочем, в своей она не спала ни дня с момента рождения. Хотя ее возили за собой повсюду.

За обедом, когда Василий ворковал над тарелкой с супом, пытаясь втолкнуть в Маруську очередную ложку (обедала она теперь со всеми в столовой и, естественно, ничего не ела. А зачем? И так весело), произошло кошмарное событие.

Стив Янг, спокойно поглощавший свой обед, совершенно не реагируя на творившееся под боком безобразие, вдруг резко побледнел, тяжело задышал, его зрачки расширились, он начал судорожно хватать ртом воздух, махать руками, с грохотом уронил тарелку и, как-то конвульсивно дергаясь, съехал со стула, с грохотом рухнув на пол.

Все повскакивали с мест, с ужасом глядя на корчившегося на полу Стива.

Спустя секунду очнувшийся первым Адам кинулся к бедняге и, раздвинув веки, заглянул в зрачки.

– Дайсон, мой старый чемоданчик из кабинета! – резко рявкнул он, преображаясь. – Виктория, неотложку! На столе ничего не трогать. Ник, Джон, помогите перенести его в комнату, ему нужно срочное промывание желудка!

Джон и Ник уже были рядом. Втроем они подхватили дергающегося, с закатившимися глазами гостя и потащили прочь из столовой. Юля с Василием и Вероникой продолжали сидеть с открытыми ртами.

Арчибальд, тихо обедавший в конце стола, молча отодвинул от себя тарелку и как-то тревожно заглядывал внутрь собственного организма, словно ожидая нападения невиданного недуга.

Виктория отдавала в телефон распоряжения строгим, командным голосом – вероятно, вызывала неотложку.

Даже Маруся присмирела, перестав шалить, она забралась к Василию на колени и, обхватив его шею руками, затихла, прижавшись к папочкиной щеке.

Об обеде все тут же забыли, с опаской глядя на тарелки. Лицо стоявшего возле буфета лакея было бледным и испуганным.

Спустя десять минут в столовую вернулся Ник. Погладив по голове перепуганную Саманту, он сел на свое место и, улыбнувшись успокаивающей улыбкой, объяснил:

– Скорее всего отравление лекарственным препаратом. Адам с Джоном проводят промывание желудка. Адам сказал – опасности для жизни нет. Хорошо, что все случилось за обедом и мы смогли вовремя ему помочь. Если бы он упал где-то в парке, тогда была бы беда, – утешил всех герцог, потом неуверенно взглянул на присутствующих. – Адам считает, что мы

спокойно можем продолжать трапезу. Вряд ли токсин был в супе. – Но, увидев недоверчивые лица сотрапезников, предложил: – Впрочем, его можно не есть, а сдать на экспертизу. Мне кажется, фрукты вполне безопасны. Давайте перекусим ими. Думаю, экспресс-анализы и рассказ самого Стива, когда он придет в себя, все разъяснят.

Но есть никому не хотелось. Василий прижал к себе тихую Марусю и с сомнением смотрел на фруктовые башни в вазах.

Вскоре вернулся Джон. В столовой не слышали, как подъехала машина «Скорой помощи», но Джон сказал, что врач уже осмотрел Стива. Никакой угрозы нет. Адам все сделал правильно. Промывание желудка остановило процесс интоксикации, сейчас Стиву поставили капельницу, ему уже лучше.

– Доктор согласен с папой, что больше всего симптомы напоминают передозировку лекарственных препаратов. Но Стив клянется, что не принимал ничего подобного, – продолжал рассказывать Джон, доставая из кармана несколько закрытых пробками склянок. – Доктор велел взять образцы супа из общей супницы и тарелки Стива, отлить жидкость из его стакана. Но вряд ли дело в этом. Мы все ели, и никто не пострадал. – В этом месте Юля услышала полный облегчения вздох – дворецкий вернулся в столовую вслед за Джоном и сейчас стоял очень бледный возле сервировочного стола. – Папа склонен думать, что токсин находился в графине с водой в комнате Стива. Идя на обед, он выпил полстакана, а когда мы хотели взять воду для анализа, оказалось, что графин уже пуст. Чепуха какая-то! – пожал плечами Джон.

Юля с Василием переглянулись.

– Доктор Чепмен считает, что надо обратиться в полицию, но Стив и слушать не хочет, думает, это недоразумение. Говорит, наверное, съел какую-то дрянь в городе. Доктор взял у Стива необходимые анализы, хотел забрать его в больницу, но тот наотрез отказывается. Пойду отнесу ему. – Джон показал нам три сосуда, наполненных образцами.

Когда «Скорая» уехала, а Адам вернулся в столовую и отчитался еще раз о состоянии Стива, все разбрелись по своим делам. Василий рискнул накормить Марусю бананом и апельсином, уложил ее спать, а когда малышка заснула, тихо встал, взял пиджак и, показав Юле жестами и мимикой «никуда не уходи, стереги ребенка», скрылся за дверь.

Вернулся он минут через сорок с несколькими упаковками питьевой воды, по пол-литра каждая. Он заботливо запихал их под супружескую кровать и строгим шепотом велел:

– Пить только из запечатанных бутылок. Если бутылка стояла открытой, ее ни в коем случае не брать. Никаких графинов! Веронике я тоже упаковку отнес.

Юля, молча закатила глаза. Забота Василия о здоровье и безопасности семьи всегда отдавала некой паранойей. Если на Сахалине одна отдельно взятая семья отравилась вареной колбасой, приобретенной в местном захолустном магазине, значит, Василий тут же несся к холодильнику и выгребал оттуда в мусорное ведро все колбасные изделия, а также ветчину и буженину, и его семья переходила на жесткую диету как минимум на целый месяц. Если на севере Франции в маленькой пиццерии в каком-то захолустье обнаружили кишечную палочку, все семейство Василия, сидящее в Ницце, автоматически лишалось удовольствия есть итальянскую кухню и посещать любые рестораны. Делать маникюр, педикюр и эпиляцию на территории Российской Федерации Юле было строго запрещено. Разгул гепатита, СПИДа и сифилиса подвергал жизнь жены неоправданному риску. За пределами родины она имела право посещать салоны красоты, но только со своим набором инструментов. Чтобы подсластить пилюлю, он заказал для нее дорожный именной комплект с вензелями и стразами Сваровски.

Денис с Вероникой, почти всю сознательную жизнь прожившие с мамочкой, отличавшейся долей здорового пофигизма, и с родным отцом, отличавшимся пофигизмом, явно нездоровым, к подобным перегибам относились болезненно. И даже пытались отстаивать свои права, есть, что им вздумается, и ходить куда захочется. Конечно, безрезультатно.

Юля подобным идеализмом не страдала и спорить с Василием не пыталась, потому как это было бесполезно. Попытки отстоять свою правоту в подобных случаях заканчивались полным провалом. Все ее доводы и резоны превращались в детский лепет и женские капризы, разбиваясь о неоспоримые доказательства и аргументы, продуманные, взвешенные и фундаментальные. В итоге она не просто проигрывала, а вынуждена была искренне соглашаться с его правотой, что особенно действовало на слабые женские нервы.

Вот и сейчас она молча взяла одну бутылку и демонстративно поставила ее на прикроватный столик. Василий одобрительно кивнул. Потом разулся, лег рядом с Маруськой, уткнувшись носом ей в макушку, и счастливо захрапел.

Глава 3

А я-то тут при чем?

– Господи! Все дело в Англии? Или мне везет как утопленнице? – вопрошала Юля голубым небесам, стоя над свежим трупом.

Шарлотта Грейсток лежала рядом с парковой скамьей в тени большого дуба. Глаза ее были открыты, на лице застыло выражение надменного удивления, которое часто появлялось на нем и при жизни. Колени согнуты, руки раскинута. Костюм и прическа в полном порядке. На груди растекается яркое алое пятно.

– Ну что я за человек, где ни появлюсь, обязательно труп нарисует? – Юля с тоской огляделась по сторонам. – Если бы не Стив Янг, можно было бы сделать ноги. А еще лучше, услышав выстрелы, бежать в прямо противоположном направлении, – от досады Юля кусала губу, которая уже начала раздуваться. – Ну, какое мне дело до этой тетки? Я ее знать не знаю.

Последнее было не совсем правдой. Шарлотта прибыла в Гарт позавчера к обеду вместе с мужем, бароном Грейстоком. Тихим, хмурым дядькой, замкнутым и нелюдимым. Что, впрочем, было неудивительно, учитывая, на ком он был женат. Но уже после ужина барон покинул владения Апон-Тайнов, сославшись на острую необходимость навестить троюродного дядю по отцовской линии, пребывающего на пороге смерти и страстно желающего проститься с ним. Проживал дядя в двухстах километрах от поместья. Недалеко, но и недостаточно близко, чтобы супруга кинулась его оттуда выуживать. Он заблаговременно предупредил свою дражайшую половину, что, если дядя будет совсем плох, возможно, он останется дожидаться его конца. Шарлотта отпустила мужа со скорбным выражением на лице, ясно дав понять, что она осознает веление долга. Юле же показалось, что, вырвавшись из-под надзора драгоценной супруги, барон скорее всего направится либо в клуб, либо в какую-нибудь гостиницу подальше от поместья и там, в тишине, пробудет столько времени, сколько сможет.

Шарлотта была на редкость неприятной особой. Странно, что ее вообще пускали в приличные дома. Юля на месте Джона и его родственников подговорила бы дворецкого не пускать ее ни под каким видом. Запереть въездные ворота, а самим пользоваться дальней садовой калиткой.

Шарлотте было около шестидесяти, невысокого роста, с крупными, несколько тяжеловесными, резко очерченными чертами лица и такими же взглядами на жизнь. Эта особа не стеснялась озвучивать свое мнение по каждому уместному и неуместному поводу. Любую беседу, происходящую в ее присутствии, она беспардонно прерывала, превращая в собственный правоучительный монолог. Она считала допустимым поучать всех, от самого герцога до младшего помощника посудомойки.

Популярности подобные манеры Шарлотте не добавляли, что совершенно не омрачало ее существования. Она была уверена в своей неотразимости, правоте и мудрости. А собственное общество считала повсеместно желанным. С этой наивной, граничащей с преступлением простотой она кочевала по знакомым и родственникам, поскольку друзей при таком характере у нее, естественно, не было, что вовсе не мешало ей чудесно проводить время. Ее супруг, Алджернон Грейсток, был состоятельным представителем древнего, уважаемого рода, он долгое время занимал в правительстве важный ответственный пост. Общественный вес супруга усугубил врожденные наклонности Шарлотты, словно давая ей дополнительные моральные основания для активного вмешательства в личное пространство окружающих. Многие терпели ее именно по этим причинам, другие – по доброте, третьи – по бесхарактерности, Апон-Тайны из соображений безграничной толерантности.

Василий, например, посидев с ней рядом за ужином, готов был прикончить Шарлотту еще в середине трапезы, в то время как семейство Джона сносило ее по-детски непосредственные выходки с королевским великодушием.

Но, судя по случившемуся, чьи-то нервишки все же сдали.

Юля снова взглянула на лежащий у ее ног труп. Потом достала мобильник и позвонила Джону.

– Господа, – строго проговорил инспектор Хоггарт, подтянутый и строгий молодой человек. – Прошу всех пройти в дом. Не будем мешать работе экспертов. – Он покосился на бригаду в белых спецкомбинезонах, возившихся возле трупа и прочесывавших окрестные заросли.

Вокруг инспектора толпились почти все обитатели поместья, за исключением мистера Кука, скромно полагававшего, что убийство – мероприятие чисто семейное и ему как лицу постороннему там вовсе не место.

– Ваша светлость? – обратился к герцогу инспектор как к старшему из присутствующих. – Я прошу вас выделить помещение, где я мог бы побеседовать с каждым в отдельности.

– Разумеется, прошу вас. – Ник сделал гостеприимный жест рукой, искренне желая помочь следствию.

Сегодня он был облачен в любимые кожаные штаны и черную обтягивающую футболку, украшенную розовыми черепами и пайетками. Такая футболка должна была бы казаться женской, но на герцоге выглядела вполне мужественно. Она весьма выигрышно подчеркивала его стройную высокую фигуру. Ничего удивительного, что его юная супруга совершенно была от него без ума. Добавьте к тому харизму, свойственную его светлости, и вы поймете, что для него не составило бы труда завоевать и более юную особу. Рядом с герцогом топтался его новый приятель. Менее эффектный, хотя и не менее броский. Упитанный крепыш с красной потной лысиной, мотоциклетными очками на лысой, круглой, как капустный кочан, голове, в черной обтягивающей футболке с молодежными принтами, кожаной, неизвестно где раздобытой жилетке, которая никак не желала смыкаться на его объемном торсе, в кожаных штанах и ковбойских сапогах, уже порядком запыленных, топтался возле Ника. Бедный лысый идиот решил на старости лет обзавестись новым хобби. Речь, естественно, шла о Василии.

Вчера герцог каким-то образом умудрился загнать Васю в свой гараж. После проведенных в гараже двух с лишним часов Василий Никанорович Ползунов вышел на свет божий совершенно другим человеком.

А именно байкером. За два часа Ник так задурил Юлиному мужу голову, что тот не только повязал на голову засаленную старую герцогскую бандану, символизирующую прием Василия в местный байк-клуб, организованный и сплоченный, естественно, Ником, но и успел приобрести за сумасшедшие деньги какую-то жуткую развалюху, ворча о раритетности агрегата, его эксклюзивности, скоростях, годе выпуска и прочей ерунде, в которой абсолютно не разбирался. Судя по довольному, просто-таки сияющему лицу герцога сделка прошла не в пользу наивного и по-детски доверчивого Ползунова.

Из праздного любопытства Юля запомнила модель и год выпуска, а добравшись до компьютера, попробовала прицениться к уродливой, рычащей железяке, на которой Василий, радостно урча, уже укатил с герцогом в зеленую даль. Ах да, последний штрих: Василий в жизни не ездил на мотоцикле. Поздним вечером, когда новорожденный байкер, вибрируя от гордости, ввалился в супружескую опочивальню, Юля не без ехидства ткнула его носом в ноутбук и радостно сообщила, что жертва юношеской ностальгии переплатила за новую игрушку не меньше двадцати процентов.

На что Василий, надувшись, как индюк, и распутив свои новые кожаные перья, высокомерно заявил, что модель прошла тюнингую доработку, является единственной и непо-

вторимой. После чего засыпал жену терминами и формулировками, в которых сам понимал наверняка не больше, чем скептически настроенная супруга.

– Это настоящий крутой чоппер! – ревел задетый за живое Василий. – Год выпуска 1967-й! Ни о чем не говорит?

– Говорит. Только я не мотоцикл, могу протянуть еще лет десять, поддерживая прежнюю безупречную форму. Не проще ли было купить новый? Взгляни, какой выбор на этом сайте! Хочешь чоппер, хочешь турер, хочешь эндуро, да хоть мотард, в конце концов, – небрежно пожала плечами Юля, еле сдерживая смех при виде вытянувшегося лица Василия Никаноровича.

В отличие от мужа она уже представляла, о чем говорит, так как от скуки порылась на байкерских сайтах и немного разобралась, в общем-то, в несложной градации мотоциклов. То есть, простите, байков!

Сегодня Василий спозаранку был в седле. В честь выходного дня собрались и все члены клуба и кавалькадой из шестнадцати байкеров совершили показательный заезд по окрестностям.

Потом всей бандой во главе с герцогом и Василием пили в гараже пиво, солидно, не спеша рассуждая о вещах важных и вселенски значимых. К счастью, к моменту обнаружения трупа большинство бравых парней в возрасте от сорока до шестидесяти с хвостиком были отозваны домой, к своим «юбкам», как презрительно поделился с герцогом храбрый Василий, совершенно не подозревая, что его собственная «юбка» стоит у него за спиной с приподнятыми от удивления бровями. Юля заглянула в гараж узнать, цело ли ее обезумевшее сокровище. После тихого покашливания супруги Василий вскочил, заюлил, заерзал и бросился вслед за Юлией, оправдываясь и нервно промокая взмокшую в одночасье лысину.

Решив помучить Василия подольше, Юля, закинув на плечо сумку, отправилась в деревню, решив, что пешая прогулка пойдет ей на пользу, потом она может пообедать в местном пабе, а уже вечером, вернувшись домой, так и быть, простит зарвавшегося олигарха.

Она неспешно брела по тенистым аллеям в сторону парковой калитки, ведущей на проселок, и строила планы на завтра. Хватит сидеть в поместье. На Василия теперь надежды мало, надо самой воплощать свои мечты в жизнь. Не съездить ли ей завтра в Дарем, замок осмотреть, собор да и вообще развеяться?

Город был невероятно древним, основан еще в девятисотом году новой эры римлянами, а его замок бы возведен еще во времена Вильгельма Завоевателя. Дарем пережил свой расцвет в то время, когда Лондон еще был захолустной деревушкой. В общем, в нем было на что посмотреть.

На этой приятной ноте Юлины размышления были прерваны гулким, просто-таки оглушительным в парковой тишине выстрелом. То, что это был выстрел, Юля поняла сразу, потому что ничем другим этот резкий, короткий звук быть не мог. Она замерла, пытаясь понять, что бы это значило. Спустя несколько секунд раздался следующий выстрел и чей-то короткий крик. Не раздумывая о том, что и зачем она делает, Юля бросилась на звук.

Ноги вынесли ее на просторный, больше похожий на луг газон. По периметру его окаймляла обсаженная толстыми старыми деревьями и кустарником аллея. На лугу, ближе к его дальнему концу, кто-то лежал.

– Господи, что это все значит? – Юля с полными ужаса глазами неслась к лежащему на лугу человеку.

К счастью, он пошевелился, тяжело поднял голову и постарался перевернуться на бок. Подбежав ближе, Юля узнала длинную, грузную фигуру Стива Янга. Последние два дня бедняга пролежал у себя в комнате, не принимая посетителей и не расставаясь с капельницей. Что его сюда принесло?

– Стив? Вы живы? Что случилось? – Юля плюхнулась с разгону на колени перед бледным, ничего не понимающим Янгом. – Что вы здесь делаете?

– Джулия? – Он осторожно постарался сесть. – Кажется, я упал. Голова закружилась. – Юля поддерживала его за плечи, пока бледность на лице Стива медленно отступала. – Вы ничего странного не слышали? – спросил он, неуверенно оглядываясь по сторонам.

– Мне показалось, что стреляли. – Юля так же неуверенно оглянулась по сторонам.

– Мне тоже. Я хотел оглянуться, резко повернул голову и упал. – Он осторожно вздохнул. – Проклятое отравление. Я-то надеялся, что уже отпустило.

– Что вы вообще здесь делаете?

– Хотел немного прогуляться, мне уже лучше, надоело торчать в четырех стенах. Адам куда-то уехал, вот я и сбежал.

– А что вас на луг понесло?

– Увидел за деревьями Шарлотту, хотел подойти, поздороваться.

Юля посмотрела на него как на психа. Захотел сам подойти к Шарлотте? Это последствие токсикации или просто склонность к мазохизму?

– Она раз тринадцать заходила за последние два дня, но я то спал, то... – Стив замялся. – Думаю, она обиделась. Хотел как-то загладить свою вину. – Потом озорными глазами посмотрел на Юлию и добавил: – Лучше уж самому, тогда меньше достанется.

– Понятно. Давайте я помогу вам встать, пойдемте найдем скамейку, отдохнете, и я отведу вас домой. Вставайте, а то трава сырая.

Юля кое-как, кряхтя и охая, помогла ему подняться. Стив был чуть ли не на голову выше ее и килограммов на тридцать-сорок тяжелее. Они не спеша побрели к аллее. Протиснувшись сквозь заросли персидской сирени, выбрались на ухоженную, посыпанную гравием дорожку и замерли.

В нескольких шагах от них возле парковой скамьи лежала Шарлотта.

Глава 4

Забег дикого мустанга

Вся компания неспешно брела в сторону дома. Инспектор задержался, отдавая какие-то распоряжения.

– Ник, как ты думаешь, кто мог застрелить Шарлотту? – испуганным голосом прошептала Сэм, держась за руку мужа, чтобы было не так страшно.

Саманта смотрелась рядом с Ником как школьница, ее хрупкая, почти костлявая фигура добавляла ей трогательности, а короткая клетчатая юбочка и розовая футболочка только усиливали это впечатление. Стриженные темные волосы девушки сегодня торчали задорно вверх, словно встали дыбом от ужаса.

– Понятия не имею, дорогая. Скорее всего это вообще был несчастный случай.

– Разумеется, – безапелляционно подтвердила Виктория. – Гарт – уважаемое поместье, а не полигон для стрельб.

– Два выстрела подряд и попадание прямо в сердце? – скептически спросил идущий чуть позади Василий.

– Вась, но не думаешь же ты, что в поместье завелся маньяк, охотящийся на людей с двустволкой наперевес? – сердито спросила Вероника. Виктория одобрительно кивнула.

Последнее время Вероника очень болезненно воспринимала все высказывания в адрес Гарта Мэнора, видимо, уже считая его своим домом, а одобрение Виктории как будущей свекрови особенно ей польстило.

– При чем здесь маньяк? Я думаю, что убить хотели ее, а никого другого.

– Вообще-то, – неуверенно проговорил Стив, – мне показалось, что стреляли откуда-то из-за моей спины, поэтому я и хотел обернуться. Но не удержал равновесия и упал.

– Но с того места, где мы находились, Шарлотту видно не было, – проговорила Юля, вспоминая, как нашла лежащего на лугу Янга.

– Может, все же случайность? – пожал плечами Стив, он был все еще бледен и шел осторожно, словно боясь упасть.

– Ага. Или жертва случайная. Целили в одного, а попали в другого, – глубокомысленно проговорил Василий, искоса глядя на Стива.

– Ты думаешь, стреляли в Стива? – подошел к ним Джон.

– Я ничего не думаю. Я просто слушаю и делаю выводы, – свысока ответил довольный своей прозорливостью Василий.

– Стив, я думаю, тебе лучше рассказать все полиции. И про выстрелы, и про отравление. Это уже не шутки, – серьезно взглянул на родственника Джон.

– Да бросьте вы ерунду говорить! – отмахнулся страдалец, основные силы которого уходил на ходьбу. – Кому я нужен? Я что, мафиози какой-то или важный политический деятель? Кому я нужен?

– Этого, дружок, мы не знаем, – обернулся к нему посерьезневший Ник. – Но Джон прав. Надо обо всем рассказать инспектору, а там уж пусть полиция сама решает.

Стив недовольно насупился. А вот Юля была абсолютно согласна с мужчинами: два покушения подряд совпадениями быть не могут.

– Надо немедленно связаться с лордом Грейстоком и сообщить ему о гибели Шарлотты, – впервые подал голос Адам. – Такая трагедия! – Он шел позади всех, печально покачивая головой.

И все тут же замолкли, проникнувшись ужасом происшедшего. Задумавшись о том, что всего полчаса назад невинный живой человек простился с жизнью. Скоропостижно, нелепо, неожиданно.

Для беседы с полицией герцог выбрал восточную гостиную, оформленную в светло-серых тонах, достаточно просторную и не слишком жизнерадостную.

Все молча расселись в ожидании инспектора. Он явился в сопровождении сержанта спустя несколько минут и попросил у Ника позволения расположиться в соседнем с гостиной кабинете, куда они и прошествовали, прихватив с собой Ника.

Следующим пригласили Адама, за ним Саманту, Викторию, Джона и далее по списку. Вероника, Василий, бледный слегка нездоровый Стив Янг, приглашенный констеблем мистер Кук и, наконец, на закуску, Юлия.

Войдя в кабинет, Юля спокойно присела в кресло напротив инспектора и четко, полно и ясно изложила известные ей факты. А именно, что шла себе в деревню, никого не трогала, услышала выстрелы, побежала. Нашла Стива Янга, отвела к скамейке, там уже был труп. С покойной была едва знакома. Кому понадобилась ее смерть, представления не имеет. Казалось бы, что еще?

– Вы узнаете этот предмет? – спросил Юлю инспектор, доставая откуда-то из-под стола ее сумку.

– Ой, спасибо! Кажется, я забыла ее возле скамьи. В смысле Шарлотты. – Юля действительно бросила сумку на дорожке возле покойной, когда они со Стивом робко пытались выяснить, а точно ли она умерла.

– Взгляните, все ли в ней на месте, – любезно предложил инспектор, протягивая Юле сумку.

– Конечно, все в порядке. Благодарю вас, – вежливо улыбнулась Юля, ставя сумку рядом с собой на диван.

– И все же я настаиваю. Откройте сумку и взгляните.

Какой смысл спорить с полицией? Ну, хочется им, чтобы Юля взглянула, на здоровье. Она открыла сумку, светлый холщовый мешок, пришитый к двум круглым деревянным ручкам, и уже собиралась подтвердить, что все на месте, когда ее взгляд уперся во что-то незнакомое, черное и железное. Такого в ее сумке точно не было.

– Что это? – внезапно охрипшим голосом спросила Юля, бессмысленно хлопая глазами.

– А разве это не ваше? – по-прежнему любезно уточнил инспектор.

Юля молча покачала головой.

– Это «кольт-М 1911», – сладко отозвался инспектор.

Юля дрожащей рукой полезла в сумку, бездумно собираясь извлечь эту вещь. Но инспектор был начеку.

– Позвольте, – он ловко выхватил из Юлиной сумки оружие, ухватив его рукой в резиновой перчатке за ствол, и опустил в подставленный сержантом пакет.

Перчатка Юлю насторожила. Поганец знал, что лежит в сумке, и разыграл перед ней маленький спектакль.

Передав оружие, инспектор сел на свое место за столом и, сложив перед собой руки, продолжил беседу, однако скорость и жесткость задаваемых им вопросов стала заметно возрастать, усиливая напряжение.

– В день прибытия в поместье баронессы Грейсток во время ужина она делала едкие недвусмысленные замечания по поводу брака вашей дочери с графом Ньюкасл-Апон-Тайном? – резко, неожиданно и хлестко проговорил инспектор.

– Да, – растерянно ответила Юля, – но...

– Вчера у вас и вашего супруга с баронессой случилась неприятная сцена?

– Да, она...

– Была оскорбительна для вас и вашего супруга и происходила при свидетелях?

– Да, но...

– Сегодня во время прогулки у вас была сумка? Это она?

– Да, я...

Вопросы сыпались стремительно и резко, Юля едва успевала осмыслить один, а инспектор уже бросал другой, и тут Юлю пронзила ужасная по своей очевидности догадка.

«ЕЕ СЕЙЧАС АРЕСТУЮТ! Как Нику! В тюрьму!

ФИГ ВАМ!»

Юля сжалась в тугую пружину. И не дожидаясь следующего вопроса, схватив в охапку злополучную сумку и перепрыгнув журнальный стол не хуже дикого сайгака, миновала замершего в глубоком изумлении инспектора, вскочила на широкий мраморный подоконник и сиганула в окно. Поступок был дикий, спонтанный, совершенно необдуманный и потому благополучно завершившийся мягким приземлением на пушистую густую травку.

Вскинув одурелую от происшедшего голову, Юля с ужасом оценила высоту окна, метра два, не меньше!

Но предаваться эйфории не было времени, в комнате уже захохотал мебелью опомнившийся инспектор, и она, вскочив на ноги, рванула прочь, петляя, как заяц среди кустов и деревьев, не дожидаясь погони.

В висках стучало, в глазах было темно, дыхания не хватало. В боку была ужасная резь. Но отдыхать было некогда. За две недели пребывания в поместье Юля облазила каждый уголок огромного, ухоженного парка. Он был прекрасен, таинственен и непредсказуем. Ручьи, водопады, римские мостики, ажурные мраморные павильоны, беседки, оранжереи, стоило сделать несколько шагов по лужайке или аллее – и пейзаж неузнаваемо менялся, открывая что-то новое. Юлия была очарована парком и проводила большую часть своего времени, гуляя с Марусей по этому зачарованному лесу.

Так что к моменту побега она знала парк как свои пять пальцев. И сейчас ноги непроизвольно несли ее к инстинктивно выбранной цели. Юле нужно было укрытие, тихое, надежное и нетривиальное. К счастью, по распоряжению инспектора весь персонал поместья и его обитатели были собраны в доме, и свидетелей забега можно было не опасаться.

Юля из последних сил шевелила ногами, шатаясь из стороны в сторону, как загнанный мустанг. Она уже видела среди деревьев покрытую мхом треугольную крышу и серый украшенный барельефом фронтон семейного склепа Апон-Тайнов. Вот туда-то она и неслась.

Забравшись по стертым пологим ступеням под сень усыпальницы, Юля прислонилась лбом к холодному шершавому камню и с трудом переводила дыхание, когда тишину разорвал звонок телефона. Она подпрыгнула от неожиданности, сжавшись в комок и приготовившись отбиваться от невидимого нападающего. Через секунду мозг включился, Юля достала из сумки мобильник. «Василий. Или нет?»

Могут вычислить ее местонахождение по излучению, или как там его? По звуковым волнам ее мобильного? А вдруг смогут? Решив не рисковать, Юля вовсе выключила телефон и огляделась.

Теперь она стояла, прижавшись спиной к стене склепа, и смотрела на уходящую к дворцу широкую, обсаженную елями аллею, ровную, просторную, хорошо просматриваемую, и простонала. Надо же было свалить такого дурака! Нашла укромное местечко! Курица безмозглая! Оглядевшись вокруг, Юля пришла к неутешительному выводу. Внутри спрятаться абсолютно негде. Колоннада отделяла внутреннее пустое и гулкое пространство усыпальницы от парка. Ни закутка, ни ниши, ничего внутри не было. Только тяжелая кованая дверь вела непосредственно в погребальное помещение под полом.

Идиотка! Как она могла быть такой набитой душой! Куда теперь бежать? Может, просто в кустах отсидеться? Хотя бы до темноты? Или в лодочном домике? Это недалеко, там столько всякого хлама сложено, что ее среди всего этого еще лет сто не отыщут.

Идея Юле понравилась, и она быстренько рванула к выходу, но, достигнув колоннады, резко затормозила. В парке был слышан какой-то тревожный шум, и неся он определенно со стороны дома. Погоня!

Ну, конечно же! Они ее уже ищут! Небось всю прислугу задействовали!

Господи! Что же делать?

Юля как полоумная заметалась под мраморным сводом. Отдельные, особенно громкие, выкрики теперь долетали до склепа. Ее зовут по имени.

«Ах ты, коварный мерзавец», – подумала Юля про инспектора. Пошел на хитрость, чтобы задействовать в поисках родных! Интересно, что он им наплел?

Юля ни секунды не сомневалась в истинных мотивах полиции. Она до сих пор не забыла ощущение ужаса и собственной беспомощности, когда в июне прошлого года, за неделю до свадьбы, арестовали ее дочь Веронику. Полиции не понадобились ни опровержимые доказательства вины, ни долгий сбор показаний, ни надежные свидетели. Простого подозрения хватило, чтобы совершенно невиновный человек оказался за решеткой. Поскольку человек был иностранный и незнатного происхождения, а вокруг одни герцоги да маркизы! Если бы не Юля с Джоном, неизвестно, как та история закончилась бы.

И вот ситуация повторяется! Ну уж нет. Юлю им живьем не взять! Не такая она дура!

Все это время Юля двигалась вдоль стены, пока не наткнулась на дверь. Как ни странно, она не была заперта, и простой поворот медной массивной ручки открыл темный сводчатый проход, с чередой серых каменных ступеней, круто уходящих вниз. Рассуждать было некогда. Стараясь не думать, куда спускается, несчастная жертва произвола нырнула в затхлую тьму, захлопнув за собой тяжелую дверь.

Глава 5

О силе супружеской любви и ее последствиях

Злой, всклокоченный и потный Василий метался по гостиной.

– Джон! Объясни этому дебилу, пока я сам ему не объяснил! – раскатисто проревел Василий Никанорович, брызгая слюной и уткнувшись грудной клеткой в грудь растерявшегося и бледного инспектора, когда тот в очередной раз пытался объяснить происшедшее.

Выглядел господин Ползунов устрашающе. Клоунский кожаный наряд уже не выглядел потешно. Налитые кровью глаза того и гляди вылезут из орбит. Огромные кулаки сжаты, бицепсы надулись, желваки на лице ходят так энергично, что того и гляди вовсе сбегут. От него вполне ощутимо расходились волны такого накала, что младшие полицейские чины, сопровождавшие инспектора, давно уже позорно ретировались из гостиной, бросив своего шефа на растерзание русского психопата. Что ж это за любовь такая, что весть о временной пропаже супруги привела этого типа в такое неистовство? – задавались они вопросом, робко прячась за дверями злополучной гостиной.

Джон тут же попытался вклиниться между будущим тестем и припертым к стене блюстителем правопорядка. Вероника подскочила к Василию с двойной дозой корвалола и почти силой влила его в рот бурлящему отчиму. Растерянный Адам топтался тут же со своим чемоданчиком, готовый ко всему: к инфаркту или тяжелым увечьям любой из сторон.

– Бэзил! Друг мой, – гудел рядом полный сочувствия герцог. Из-за его плеча выглядывала счастливая Саманта. Ей происходящее, похоже, ужасно нравилось, – не стоит так убиваться! Поверь мне – все наладится! Полиция покинет поместье, Джулия успокоится и вернется домой. Не под деревом же ей, в самом деле, ночевать? Ты еще раз попробуешь до нее дозвониться. Все образуется, поверь мне, я старше, я дольше живу. Я больше видел. Все в итоге налаживается, – как-то грустно закончил он.

– Плохо ты ее знаешь, – буркнул Василий, не рискуя хамить герцогу, друг все-таки.

Весть о побеге жены застала беззаботного олигарха в соседней с кабинетом комнате, куда проходили все прошедшие допрос личности. Вальяжно развалившись в кресле, закинув ногу на ногу, он любовался своей новой вызывающей обувкой и не спеша беседовал с герцогом о преимуществах байков перед всеми прочими средствами передвижения, демонстрируя окружающим свою «крутизну», а точнее, нежданно нагрянувший маразм. Тактично избегая беседовать о происшедшем, до которого ему, признаться, не было никакого дела. Да, бабульку жаль, какой бы мегерой она ни была, а все же человек, но тем не менее жизнь продолжается и надо держаться.

Вот тут-то на пороге и появился слегка раздраженный и растерянный инспектор, с легким укором сообщивший собравшимся о странном и необъяснимом поступке миссис Ползуновой.

Василий некоторое время еще продолжал улыбаться, потому что почти ничего не понял из того, что сообщил инспектор. Когда же суть происшедшего полностью достигла его сознания, инспектор смог по достоинству оценить масштабы обрушившейся на него катастрофы. Василию не потребовалась много времени, чтобы понять мотивы, руководившие его женой в этом спонтанном и непредвиденном поступке.

Воспоминания об аресте Вероники и чувстве собственной беспомощности были остры и у него. Едва сдерживая закипающую ярость, он с помощью падчерицы выяснил подробности происшествия и уже только после этого кинулся на инспектора, схватившись с ним врукопашную. Их, конечно же, растащили, инспектору доходчиво растолковали, в чем состоит главная ошибка в избранной им тактике ведения допроса. Инспектор нашел в себе силы признать такую.

Василий, Джон и Вероника попытались связаться с беглянкой и мягко разяснить недоразумение. Инспектор Юлю, боже упаси, не подозревает, а лишь хотел немного встряхнуть, дабы простимулировать умственный процесс в надежде получить дополнительные факты, которые могли быть незаслуженно забыты ею или просто не сочтены достаточно важными. И, кажется, немного перестарался.

Каждый раз, когда доходило до оценки действий инспектора, Василий плотоядно шелкал зубами.

И вот теперь, когда многочасовые поиски, прочесывание парка, деревни и ближайших окрестностей в периметре пятидесяти километров вокруг поместья ничего не дали, градус кипения грозного олигарха достиг максимальной отметки.

Юля напугана до смерти. Сама не сдастся. На связь не выйдет. И объявится не раньше, чем выследит настоящего убийцу. Или он ее.

Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– В общем, так. Даю тебе три дня. Если не вернешь мою жену в целости и сохранности, я тебя, – Василий фамильярно ткнул инспектора пальцем в грудь, – по судам затаскаю по обвинению в полицейском произволе. Я такой шум в прессе подниму, что ты носа из дома не высунешь. Ты в отставку не уйдешь, а убежишь. А уж тогда я тебя как лицо частное в мелкую лапшу постругаю.

Василий вновь наступал на инспектора, прикрываемого Джоном. Остальные безмолвствовали, держась поближе к выходу.

Но откровенная угроза Василия подействовала на инспектора неожиданно бодряще. Он распрямился. Отодвинул Джона в сторону и бесстрашно заявил, глядя в глаза своему оппоненту:

– Мистер Ползунов, я предупреждаю вас официально и заранее, что запугивание должностного лица при исполнении им обязанностей сурово карается в нашей стране. Это раз. Ваша супруга вольна трактовать мои действия, совершенные исключительно в рамках закона, как ей заблагорассудится. Но, по моему личному мнению, человеку невиновному нет надобности пускаться в бега и скрываться от полиции. А поскольку у вашей супруги было найдено оружие, с помощью которого, как я уверен, было совершено убийство, у меня есть все основания подозревать, что либо она совершила это преступление, либо прикрывает убийцу. Что является не менее тяжким нарушением закона. А посему я официально объявляю ее в розыск, и будьте уверены, что она будет найдена, в согласии с вашими желаниями или вопреки им. – После этого инспектор Хоггарт гордо расправил плечи, грозно взглянул на онемевшего Ползунова и, отодвинув его в сторону, как предмет неодушевленный, прошествовал к выходу.

– Что это было? – хлопнув ресницами, растерянно оглянулся по сторонам Василий.

– Ничего особенного, – поджав губы, объяснила Вероника. – Только что твоими стараниями маму объявили в розыск как главную подозреваемую. А так все чудесно. – Уперев руки в бока, Вероника сверлила незадачливого отчима свирепым взглядом. – Поздравляю. Мать тебя убьет, когда вернется. Если я этого раньше не сделаю.

Василий, еще более красный, чем прежде, стоял посреди комнаты, затравленно озираясь и чувствуя себя полным и законченным идиотом. Боевой пыл покинул его.

Глава 6

В обществе скелетов

Юля сидела на саркофаге, свесив ноги и размышляя о своем нынешнем положении. С момента побега прошло часов восемь. Масштабные поиски давно уже прекратились. Юля это знала потому, что время от времени тихо подкрадывалась к дверям и, приоткрыв маленькую щелочку, выглядывала наружу. А час назад даже рискнула выглянуть в парк из-за колоннады. Тишина. Только белки по елках шуршат, да птицы поют на разные голоса.

Теперь Юля уже порядком успокоилась и перестала трястись, как осиновый лист, каждую секунду ожидая нападения покойников. Да и полиция ее пугала меньше.

В склепе было тихо, душно и просторно. Посреди невысокого просторного зала на каменных постаментах стояли пять самых древних гробов. Точнее, каменных саркофагов. Остальные покоились в погребальных камерах, закрытые именными табличками. Имена, даты.

Едва проникнув сюда, жертва полицейского произвола пугливо жалась к дверям, боясь ступить лишний шаг в это царство смерти и покоя. Но время шло. Стоять было тяжело. Сидеть на сумке холодно.

Постепенно Юля освоилась, и поскольку ничего страшного не происходило, осмелилась спуститься вниз, освещая себе путь вновь включенным мобильником. Внизу присесть тоже было не на что. Но зато стены напротив пяти гробниц украшали древние стяги с гербами Апон-Тайнов. Чувствуя себя варваром, уничтожающим бесценные сокровища, Юля аккуратно сдернула со стены несколько прямоугольных полотнищ и, бережно сложив их, подстелила себе под зад. Сидеть на знаменах было гораздо комфортнее. Но тут случилась новая напасть. Держать мобильник все время включенным, вернее, вмонтированный в него фонарь, было расточительством, поэтому Юля сидела в темноте. Мысли в голове бродили самые непредсказуемые, бродили-бродили и добрели до воспоминаний о приключениях Индианы Джонса. Память заботливо представила яркие красочные картины скитаний мистера Джонса по склепам и гробницам. Крысы, пауки, змеи, богомолы, сороконожки. Что еще извращенная фантазия режиссера подкидывала под ноги отчаянному археологу?

Юля тут же зачесалась и заерзала. Фонарик был немедленно включен, но это не помогло. Начались слуховые галлюцинации. Теперь Юле в каждом углу мерещились треск, шорохи, тихие пощелкивания и хруст. Мало ей было страха перед полицией, тюрьмой и покойниками. Теперь еще энтомофобии не хватало.

Сначала она просто встала, нервно освещая все углы по очереди. Потом начала неуверенно перетаптываться. Телефон неумолимо разряжался. Остаться без него было страшно. Покрутившись еще немного, Юля нашла единственно возможный выход. Здравомысленно рассудив, что души покоящихся в усыпальнице Апон-Тайнов давно уже вознеслись на небеса, а их тела обратились в прах, Юля решила, что они несильно обидятся на будущую родственницу, если она со всем подобающим уважением расположится на одном из саркофагов. Выбрав самое старое захоронение, она аккуратно застелила каменное надгробие стягами и, осторожно взгромоздившись на него, подтянула ноги. Фонарик она отважно выключила.

Время шло. Вокруг стояла оглушающая тишина. И Юля не заметила, как уснула. А что, человек – существо живучее, ко всему привыкает.

Сладко выспавшись, она проснулась со светлой головой и ноющей поясницей. Напившись воды из прихваченной из дома бутылки. Василий строго велел пить только свои напитки, из свежевскрытых бутылок, Юля перекусила найденной в сумке шоколадкой. Проверила, что творится в парке, а потом, взобравшись на свой пьедестал, предалась анализу произошедших за день событий.

«Во-первых. Насколько оправданно мое бегство?» – задалась она первым вопросом.

Юля задумалась. Поступок был спонтанный, продиктованный животным страхом. Но вот вопрос, не сбеги она с допроса, где бы сейчас сидела? У себя в комнате или в отдельной камере?

Не исключено. Конечно, Апон-Тайны – это не господа Хантли, засадившие ее дочь Веронику в тюрьму, и так просто ее в обиду бы не дали, но пара дней в заключении вполне могла бы уйти на поиск адвоката и решения всяких юридических заковык.

Не подходит. Значит, поступила правильно. Сейчас Юля на свободе. Она осмотрела каменные, подсвеченные мобильником стены, ну, почти на свободе.

Второй вопрос. Что делать с этой самой свободой дальше?

Первое. Можно попытаться проникнуть в дом, в свою комнату и там спрятаться. Отсидеться сколько надо, пока все не разъяснится. Или же еще лучше спрятаться в самом глухом уголке дворца, куда раз в год прислуга заглядывает, и отсидеться там. Василий будет ей по ночам еду носить. Таинственно и романтично.

Юля представила, как «весело» и «разнообразно» пройдут ближайшие дней десять. Как минимум.

Или же положиться на честность и добросовестность английской полиции и добровольно сдать, естественно, прибыв в участок под руку с адвокатом.

Юля вновь задумалась. Этот вариант нравился ей еще меньше предыдущего. Полиции она не доверяла.

И, наконец, остается последний вариант. Самый глупый, но ужасно привлекательный. Самой раскрыть преступление и с видом победителя сдать полиции преступника. Юля представила себе красное от стыда и разочарования лицо инспектора Хоггарта. Оно ей понравилось. Юля самодовольно улыбнулась, так, как будто она уже поймала преступника.

В этом, конечно, была определенная загвоздка. Но с другой стороны, она уже не дилетант в подобных вопросах. Кое-какой опыт, и вполне успешный, у нее имеется. Взять хотя бы историю с арестом ее предыдущего потенциального зятя. Полиция была пристыжена, а Юля могла гордиться собой. Тот факт, что раскрытие коварного преступления было заслугой садовника, а не Юли, как-то стерся из памяти.

И хотя Юля продолжала взвешивать возможные последствия принятия ею третьего варианта, в душе она уже знала, как поступит. Неудержимая тяга к разным сомнительным приключениям уже пустила в ее душе глубокие корни. Игра в детектива представлялась ей крайне заманчивой.

Чтобы оправдать свое легкомыслие, Юля решила вспомнить, насколько серьезны улики, выдвинутые против нее полицией. Что там говорил инспектор?

Кроме злосчастного пистолета, который ей, несомненно, подкинул убийца, о чем она основательно еще поразмышляет, инспектор припомнил множество мелких инцидентов, произошедших между Шарлоттой и семейством Ползуновых. В том числе он ни с того ни с сего вдруг вспомнил бестактные замечания, которые делала в вечер своего приезда леди Грейсток в отношении предстоящей свадьбы Вероники и Джона. Виктория и Адам постарались максимально сгладить впечатление от грубых и даже оскорбительных заявлений этой особы, а Джон так и вовсе высказался резко и недвусмысленно, но осадок остался.

Затем инспектор припомнил небольшую стычку Шарлотты с Василием, произошедшую накануне утром. Точнее, с Юлей. Откуда ему об этом стало известно, для Юлии осталось загадкой. Она считала, что безобразная сцена происходила строго между ними. А шофер-то? Вот бестолочь. Кажется, она подхватила в этом огромном поместье аристократическую заразу и перестала воспринимать обслуживающий персонал как людей полноценных, наделенных душой и интеллектом. Стыд и позор.

С этим вопросом она разберется отдельно. Надо будет всыпать себе как следует, чтобы долго помнилось.

Так. Теперь о самом происшествии. Вчера, сразу после завтрака, когда Маруся с няней отправились на прогулку, а Юля с Василием собирались на экскурсию по окрестностям, леди Грейсток захотела навестить свою приятельницу, проживавшую где-то поблизости.

С Ползуновыми она встретила возле парадного подъезда, те как раз собирались садиться в машину. Василий уже открыл жене дверь, помогая сесть в поданный «Бентли». Василий сам собирался сесть за руль, хотя Юля и не одобряла его идею. Все-таки левостороннее движение.

Для Шарлотты подали «Вольво S60», естественно, с водителем. Тут-то и разгорелся конфликт. Шарлотта в три секунды оценила неравноценность автомобилей. Хотя, спрашивается, ну, какая тебе разница, на чем проехать пятьсот метров до деревни, чтобы отравить там день ни в чем не повинным людям?

Но Шарлотта устроила безобразную сцену, требуя у шофера и дворецкого, примчавшегося на шум, поменять машины. Что касается Юлии, то нате на здоровье, главное, не подавиться. Шарлотту она уже невзлюбила.

Но вот Василий уперся рогом. Его супруга сидит в машине, в ней и останется. Прыгать взад-вперед ради капризов всяких сумасшедших старух он не станет. При слове «старуха» у леди Грейсток подскочило давление и голос на две октавы. К сопротивлению в любой его форме она не привыкла. Хорошо знавшие ее люди предпочитали не связываться с ней, а знавшие плохо – тем более. Поскольку мир тесен, а языки длинные. В итоге громкого скандала Шарлотта пришла к неутешительному выводу, что отобрать машину у русского хама можно, лишь схватившись с ним врукопашную.

К слову сказать, Василий вовсе не хам, но не выносит беспардонных людей, привыкших добиваться своего любой ценой, бессовестно играющих на чувствах окружающих. С такими типами он занимает весьма жесткую позицию, невзирая на пол и возраст.

В итоге расклад сил был не в пользу Шарлотты. Собрать команду болельщиков не удалось. А присутствующие при безобразной сцене слуги тайно злорадствовали над ее фиаско, поскольку тоже терпеть ее не могли.

В итоге Ползуновы укатили на «Бентли», а приятельница леди Грейсток оказалась избавлена от многочасовой пытки.

И что? Это улики? На таких уликах версия инспектора и дня не продержится.

Но вот пистолет. Тот, кто его положил ей в сумочку, а это был, несомненно, убийца, твердо знал что делал.

И теперь, подкинув полиции подозреваемого, он сможет смело развернуться на свободе и закончить начатое. То есть добить Стива Янга.

Вот мы и подошли к главному. Кому понадобилось его убивать? За что? И как это выяснить?

Не так уж и сложно. Если принять за аксиому, что пистолет Юле подкинул убийца, то достаточно восстановить в памяти, кто собрался на аллее после известия о гибели Шарлотты.

Кроме них с Янгом, там были все Апон-Тайны: Ник, Адам, Джон, Виктория и Сэм. Василий, Вероника, полиция и дворецкий мистер Дайсон, но он держался в стороне, к Юлиной сумке не приближался.

Елки-палки! Если скинуть со счетов полицию, Василия, Веронику, Джона и Юлю с Янгом, то вычислять убийцу просто не из кого.

Юля испугалась. Она так полюбила семью Джона. Они так ей понравились! Но если это вдруг совершил не дворецкий, то кто же? Ей ужасно захотелось плюнуть через плечо, постучать по дереву, произнести какое-нибудь заклинание, лишь бы это были не они. Не хочет она их вычислять и полиции сдавать тоже не хочет!

А что, если просто доказать свою невиновность, и все! А виновного пусть полиция вычисляет? Юля застонала.

– Представляете, какой ужас? – жалобно обратилась она к лежащим вокруг покойникам. – И что теперь делать?

Глава 7

Том Литтл при луне

Том Литтл стоял в тени огромной ели, крепко сжимая в одной руке церковную свечу, а в другой держа бутылку со святой водой.

Часы на старой деревянной башне пробили полночь. Если верить этому пустозвону Джимми Атчесону, то призраки вылезают из склепа ровно в полночь.

Том слышал вчера, как Джим рассказывал приятелям – они уже были взрослыми парнями и учились в седьмом классе, – будто по ночам призраки Апон-Тайнов играют в склепе в карты. А если ночь выдастся лунной, то потом ходят купаться на пруд. Белые, сияющие в темноте, плывут над травой, только саваны колышутся. Друзья Джиму не поверили, хоть он и предлагал им пойти вместе проверить, но они только посмеялись, а он обозвал их трусами.

Том тоже сделал вид, что не поверил. Но придя домой, вдруг стал задумываться, а что, если это правда? Ему вдруг до ужаса захотелось взглянуть, как купаются призраки. Подумав немного, он решил, что призраки бесплотны и вреда ему причинить не смогут. Но все же решил подстраховаться и прихватил с собой церковную свечу, самую толстую, какая еще с Рождества осталась, взял с собой спички, потому как зажигать церковную свечу зажигалкой – это святотатство, и прихватил бутылку святой воды. Решив, что литра два должно хватить.

И вот он стоит под елкой и тарашится во тьму. Луна сегодня была большая, желтая и светила ярко. Сегодня призраки наверняка пойдут купаться, если только Джим, как всегда, не наврал.

Время шло, ничего не происходило. «Может, еще в карты играют?» – со смутной надеждой подумал Том. Но тут его слух привлек слабый, едва различимый звук, шорох, доносящийся из склепа. Потом под каменными сводами тихонько скрипнула дверь, Том шарахнулся назад, едва не заорав от ужаса. Он больно стукнулся макушкой о теплый шершавый ствол голубой ели, в чьей тени он скрывался. Глядя сквозь мохнатые лапы на мрачный, зловещий склеп Апон-Тайнов, Том ужасно хотел зажмуриться, но от страха его парализовало так, что он даже моргнуть не мог.

За колоннами сгустком загробного мрака мелькнуло что-то едва различимое.

«Боже мой! Боже мой!» – лепетал в ужасе Том, мечтая убраться отсюда куда подальше и не имея возможности сдвинуться с места. Призрак хищно пригнулся, выглядывая из-за колонны и словно приносиваясь в поисках жертвы.

– О... О... О... – пытался Том произнести слова молитвы и не мог выдать из себя ничего, кроме проклятого застрявшего в горле звука «О».

Призрак замер, вытянув шею и глядя в тьму ночной аллеи. И тут Тома осенило. Он схватил бутылку и стал поливать себя святой водой, уж она-то точно отпугнет напасть, он жадно слизывал текущие по лицу капли, жалобно всхлипывая и понимая, что зажечь свечу ему уже не удастся. Слишком дрожат руки! О чем он только думал?

Только бы выбраться отсюда живым, уж он потом задаст Джимми! Купание призраков! Только бы выбраться. А если они его в пруд утащат?

Господи спаси! Облитый святой водой и пронзенный насквозь ужасом, Том вдруг ожил и, выскочив из-под елки, заорал глубоким, грудным басом:

– Изыди, проклятый! Чур меня. Чур меня... – В это время он тыкал в сторону призрака незажженной свечой, схватив ее двумя руками.

Призрак, увидев выскочившую на освещенную луной призрачную дорогу огромную тень, сжимающую в руках что-то грозное и завывающую утробным басом, завизжал дурным голосом, но вместо того чтобы скрыться в тени склепа, понесся сквозь стройный ряд елей прямо к

пруд. Том, все еще напуганный, но уже больше заинтригованный, кинулся следом, продолжая вопить по инерции. Призрак был небольшой, непонятного пола, то ли мужчина, то ли женщина, и вовсе не в саване. Теперь Том это четко видел. На залитой лунным светом поляне белое мерцающее одеяние покойника было хорошо различимо. Мчался он, по-прежнему пронзительно визжа и размахивая чем-то большим и круглым. Сперва Том с перепугу подумал, что призрак машет собственной головой, но потом заметил, что голова на месте.

Призрак вдруг споткнулся и бухнулся в траву. Том тоже резко остановился, озадаченный случившимся. Разве призрак мог споткнуться? И почему он так припустил от Тома? Разве покойники боялись когда-нибудь живых?

– Не подходи! Я защищаться буду! У меня пистолет! Я выстрелю! – раздался из травы до ужаса перепуганный, звонкий голос.

Потом призрак встал на четвереньки, и Том наконец разглядел бледное перепуганное лицо, обрамленное всклокоченными светлыми волосами.

Том растерянно опустил руки и сипло спросил:

– Ты не призрак?

– Что? – Испуганные глаза сверкали безумным светом на бледном, серебристом лице. Женщина по-прежнему стояла на четвереньках, широко расставив руки, и смотрела на него снизу вверх, готовая сорваться с места в любую секунду.

– Ты что, псих? – спросила она спустя минуту, внимательно осмотрев его рослую, внушительную фигуру.

– Нет, – ответил Том. – У меня и справка есть. – Он присел на корточки и тоже внимательно посмотрел на незнакомку. – А ты?

– Что «я»? – Она немного успокоилась и села на колени.

– Ты не псих?

– Нет.

– А справка у тебя есть? – на всякий случай спросил Том, вспомнив о том, что настоящие психи могут быть буйными и даже опасными и справки им никто не даст.

Но незнакомка не ответила. Она лишь облегченно вздохнула и залилась звонким оглушительным смехом, из глаз у нее полились слезы. Том даже немного испугался. Конечно, она была небольшая и довольно худенькая. Но, говорят, это не важно. С настоящими психами трудно справиться.

К счастью, незнакомка начала уже успокаиваться, пару раз всхлипнула, высморкалась в вынутую из сумки салфетку и, улыбнувшись Тому, сказала:

– Ну и напугал ты меня. Ты кто такой? И что тут делаешь?

– Я Том, – честно ответил Том, но вот на второй вопрос отвечать ему было стыдно, но врать он не умел, так что пришлось ответить: – Призраков караулил.

– Тебя как зовут? – спросил Том свою новую знакомую, когда они минут десять спустя уже дружески сидели на ступеньках склепа.

– Юля. А тебя?

– Том. А что ты здесь делаешь?

– Вообще-то я гостила в поместье. Но сегодня со мной случилась неприятность, и теперь я прячусь. Дома нет, денег нет. Куда идти – неизвестно, – задумчиво проговорила Юля, рассеянно глядя в пространство.

– Хочешь, пойдем ко мне? – предложил Том после минутного размышления.

– К тебе? Да нет, что ты. Спасибо. Твоя семья, наверное, не обрадуется. К тому же это опасно.

– Я живу один. Мама умерла пять лет назад.

– Извини, мне очень жаль, – похлопала его по руке новая знакомая.

– Это ничего. Она все равно в моем сердце. И опасности никакой нет. Ты маленькая. И небуйная, хоть и справки нет. – Том посмотрел на нее мягким взглядом почти прозрачных голубых глаз и похлопал по коленке большой, похожей на бейсбольную перчатку, рукой. – Ну что, пойдём?

Юля посмотрела на темный тихий парк, на спящий за деревьями большой дворец, потом на своего собеседника. Выглядел Том внушительно, высокий, широкоплечий, лет тридцати пяти, с по-детски наивным выражением голубых глаз и лицом пятилетнего ребенка. И решилась. Вряд ли полиция привлечет к ответственности за сокрытие преступницы Тома Литтла, даже если у него есть справка.

– Хорошо. Пойдем.

Они поднялись, Том был почти вдвое выше своей новой приятельницы, он пригладил свою белесую кудрявую шевелюру, взял Юлю за руку, и они, как двое первоклашек, дружно двинулись по дорожке к выходу из парка.

Глава 8

Размышления

Арчибальд Кук сидел в архиве семейства Апон-Тайнов, забившись в дальний темный уголок за стеллажи с документами. Последнее время он предпочитал работать здесь. В библиотеке было слишком суетно. Мистер Беррингтон, местный библиотекарь, милый, любезный старичок с седой бородкой, похожий на испанского гранда, видимо, поставил себе цель умереть на посту и, нашедший у герцога сочувствие в этих планах, был хоть и тактичен, но в силу возраста чрезмерно разговорчив.

С раннего утра он был на месте. Седой, подтянутый, в неизменном строгом костюме, который он, вероятно, почитал своей униформой, мистер Беррингтон наводил порядок в своем и без того идеальном мире. Потом он проветривал книги, просматривал книжные новинки в Интернете, оформлял заказы.

В Гарте имелось великолепное собрание книг, от редких старинных фолиантов, почти бесценных, хранившихся в специальных витринах, поддерживающих определенную температуру и влажность, до современных изданий. Мистер Беррингтон тщательно следил за всеми новинками мировой литературы, и вверенное ему книгохранилище регулярно пополнялось достойными произведениями. Иногда кто-то из членов семьи сам заказывал книги. Часть собрания хранилась в личных апартаментах Апон-Тайнов, но мистер Беррингтон следил и за ними. Он был на редкость деятельной, трудолюбивой натурой. У него был свой небольшой рабочий закуток, примыкавший к библиотеке, где он проводил большую часть рабочего времени. Но стоило Арчибальду появиться в его владениях, неугомонный библиотекарь тут же появлялся в зале, непременно находя подходящую тему для беседы. Его серые, по-старчески мутноватые глаза за толстыми стеклами плотоядно светились, когда он впивался взглядом в свою жертву. Кроме Арчибальда, беседовать библиотекарю было не с кем. Хозяев и их гостей он бы ни в коем случае потревожить не посмел. А его прежний приятель, местный архивариус, не так давно почил в бозе. Нового на его место пока не нашли.

Вот от этого не в меру разговорчивого типа Арчибальд Кук и скрывался сейчас в пыльном темном углу. Во всяком случае, так он себя сам успокаивал.

Когда Арчибальд месяц назад ступил на порог Гарта, он был цветущим, энергичным мужчиной в полном расцвете сил, наполненным энергией и оптимизмом, теперь же за столь короткий срок он превратился в нервного, подозрительного и пугливого типа. Время шло, он работал как вол, а результата все не было. Ему так и не удалось найти то самое свидетельство, ради которого он появился в Гарте. Будучи опытным исследователем, Кук понимал, что если он не смог до сих пор обнаружить его в хранилище и библиотеке, то оно может находиться в самом непредсказуемом месте. Его могли взять полистать лет пятнадцать назад и засунуть потом в любое, самое невероятное место. В письменный стол среди бумаг, на полку книг в одном из кабинетов, в прикроватную тумбочку или еще бог знает куда, и забыть о нем. В этом случае его ожидал крах. Переречь огромный дворец, набитый прислугой, представлялось Арчибальду делом неосуществимым. Но чем больше он терял веру в успех своего предприятия, тем сильнее на него давили.

А теперь, когда в поместье случилось убийство, Арчибальд и вовсе предпочел бы все бросить и унести ноги подальше от Гарта, и пропади оно все пропадом. Полиция второй день шныряет по окрестностям. Прислуга бежит по дворцу с горящими от возбуждения глазами, бессмысленно заглядывая во все щели, словно ищет улики для полиции.

Эта дурочка Ползунова подалась в бега. Вот уж точно, горе от ума! Арчи покачал головой. Если есть сейчас в поместье большой псих, чем он сам, так это полоумная русская миллионерша.

Боже, как она напрягала его в первые дни своего прибытия! Куда там мистеру Беррингтону! Она ходила за ним по пятам со своей навязчивой идеей помощи. Лазила по стеллажам, рылась в поисках совершенно ненужных ему материалов, действовала на нервы своей глупой болтовней! Если бы у нее не обнаружилась ужасающая аллергия на пыль, он бы сам ее придушил.

На этой абстрактной мысли он вдруг пугливо съезжился. Словно высказал ее публично вслух и теперь его привлекают к ответу.

Тьфу, тьфу, тьфу!

Арчи с тоской взглянул на высокий скучный потолок, словно лежащий на темных многоэтажных стеллажах.

«А может, сбежать отсюда, сославшись на беспокойную обстановку и чрезмерное присутствие полиции в поместье? Ну их, эти деньги», – мечтательно подумал Кук, но тут же отбросил эту глупую идею. Так ему и дали!

Все вышеприведенные сумбурные мысли и чувства роились в голове Кука, словно бы для прикрытия. По-настоящему важная мысль, настойчиво пробивавшаяся из подсознания, настолько деморализовала затравленного историка, что он упорно, почти фанатично гнал ее прочь.

А что, если ничего нет? Все это чушь и бредни, в которые когда-то поверил другой псих и рассказал следующему за ним, а теперь эта идея достигла восприимчивого рассудка Арчибалда Кука? Так и бог бы с ним! Но он единственный из всех воспринял ее как руководство к действию.

И все бы ничего, а вот не в меру болтливый язык в сочетании с жадой легкой наживы и тщеславным желанием прославиться и вправду – источник всевозможных бед, которые и не замедлили свалиться на его дурную голову.

Как же он жалел о собственном легкомыслии! Как горевал о глупом мальчишеском бахвальстве! И о тех идиотских мотивах, которые привели его в Гарт Мэнор. Провалился он пропадом вместе со всеми его секретами!

Арчибалд Кук взвыл и треснул головой об стену.

Какое счастье, что хоть на время убийства у него железное алиби! Одной головной болью меньше.

Глава 9

О хорьках и акценте

Чудненко. Чудненко.

Солнышко радостными искорками пробежало по цветастым старомодным обоям, бросало яркие блики на обшитый деревом низкий потолок. Юля лежала в чужой кровати, в чужом доме и размышляла о собственном невероятном везении. Ну, скажите, это ли не знак свыше, что она на верном пути?

Много вы найдете таких везучих дурочек, которых добрый, бескорыстный самаритянин находит посреди ночи скачущей, как кролик, по газонам, и вместо того чтобы сдать в психушку, пускает на ночлег и разрешает оставаться в собственном доме сколько потребуется, да еще и нос не сует в чужие дела? Нет, это точно Провидение!

Юля втянула носом аппетитный аромат свежесваренного кофе, проникший в комнату с кухни, и радостно потянулась. Пора завтракать.

Хм. Вот только надеть совершенно нечего. Белые джинсы, в которых она совершила свой знаменательный побег из поместья, уже ни на что не годились. Зеленые, растерзанные колени навечно останутся такими. Единственная футболка после сна стала похожа на тряпку. Белья нет, кроме того, что на ней. Зубной щетки нет, расчески нет. Ничего нет.

На улицу выйти не в чем. Послать Тома в магазин? Юля вспомнила ясные голубые глаза нового приятеля. Уж это вряд ли.

И что делать? Следственные действия потребуют от нее невероятной активности и мобильности, ну и, конечно, естественные нужды потребуют свое. Ведь без дезодоранта она обойтись не сможет.

– Том, – Юля спустилась вниз на кухню, где ее радушный хозяин накрывал стол к завтраку. – Мне очень нужно в магазин, желательнее в супермаркет, и подальше отсюда. В какой-нибудь городок, где много туристов.

– А зачем? – простодушно спросил Том, замирая с тарелкой в руке.

– У меня нет одежды и предметов первой необходимости. – Юля невольно взглянула на испорченные штаны. – Мне и в магазин-то пойти не в чем.

– У меня остались мамины вещи! – радостно сообщил Том. – А после завтрака мне надо съездить в Брандон, там есть магазин. И ты можешь посмотреть в мамином шкафу что-то из платьев. У нее были очень красивые платья.

Мамины платья Юлю не вдохновили. Если опустить тот факт, что все они были просто устаревшим хламом, то оставалась такая мелочь, как размер. По Юлиным прикидкам, он был шестидесятым, не меньше.

Проявив недюжинную фантазию и настойчивость, она все же смогла раздобыть столь необходимую ей деталь туалета. Просторная крепдешиновая юбка, размерами годящаяся на чехол для танка, была аккуратно обмотана вокруг талии и закреплена бельевой прищепкой. Футболка с кенгурушкой кое-как прикрывали плотную драпировку. Полосатая футболка не очень гармонировала с крупными цветами на подоле, но Юля твердо решила не обращать внимания на такие пустяки.

Деревенский паб «Пень и сова» был гордостью Хаутон-ле-Оутомн. Это славное заведение впервые распахнуло двери в тысяча шестьсот девяносто седьмом году и с тех пор сменило немало хозяев, оставаясь по-прежнему гордостью деревни. Это был уютный паб, в котором по вечерам и, конечно, выходным и праздникам собиралось местное общество. Здесь всегда

было с кем поговорить, а хозяйка заведения готовила отличные «фиш энд чипс», и некоторые холостяки по воскресеньям предпочитали обедать в пабе.

Но в понедельник вечером «Пень и сова» не мог похвастаться избытком посетителей. И все же человек пятнадцать сидело за столами, потягивая пиво. Деревенская команда по дартсу готовилась к соревнованиям, в следующие выходные они встречались с «Бравыми парнями» из Честер-ле-плейс. Деревенские холостяки заканчивали свой ужин. Джефф Беккер, у которого жена с детьми на недельку уехала проведать тещу, тоже крутился в пабе. Эмма Болтон зашла поболтать с женой хозяина и принесла какие-то журналы. Несколько завсегдатаев сидели за столом напротив телевизора. Несколько местных дам играли в карты в ожидании своих седовласых, увлеченных политической дискуссией супругов. Все шло как обычно. Время было еще раннее, всего седьмой час, так что оживление еще не достигло своего пика, когда в паб вошел Том Литтл, да еще и со спутницей. Он нечасто посещал этот центр местной вселенной, памятуя наставления матушки о том, что это наверняка не доведет до добра. А уж то, что он появился под руку с женщиной! Это и вовсе был фурор! Барменша вместе с миссис Болтон тотчас же забыли все на свете журналы. Дамы за дальним столиком вырвали из рук карты.

Том, смущаясь и краснея, подошел к стойке и, солидно откашлявшись, заказал два бокала пива. Его спутница стояла рядом, хмуро глядя по сторонам.

На вид ей было около тридцати пяти – тридцати восьми. Довольно миловидная, с длинными рыжими волосами, зеленоглазая, она могла бы быть красавицей, если бы не угрюмое выражение лица. Стройная, среднего роста, одета незнакомка была просто: в джинсах и белой спортивной кофте на молнии. В общем, вполне обычная, симпатичная леди. Станным в ней было только одно – общество Тома Литтла.

Все глаза были устремлены на загадочную пару. Потрясение присутствующих было так велико, что ни Пит, хозяин «Пня и совы», ни его жена Хелен, ни Эмма Болтон, стоявшая возле стойки, не сообразили задать ему ни одного вопроса.

Первой опомнилась Сара Ларкинз, в чьей достойной, полной чужих и своих событий жизни это был первый случай потери речи. Она встала, оправила светлый жакет и, натянув на лицо устрашающе любезную улыбку, двинулась к Тому.

– Том! Дорогой мой! Рада тебя видеть! – Она похлопала его по плечу, словно беря под свое покровительство. – Давненько мы не видались!

– Вчера утром, миссис Ларкинз, – простодушно откликнулся Том. – Я заносил вам письмо от сестры, а вы мне еще рассказали о том, что накануне случайно услышали, как миссис Милн поругалась со своим мужем из-за того, что он положил глаз на новую продавщицу из лавки Керка.

Миссис Милн, оставшаяся за столом с остальными дамами, покрылась красными пятнами и с ненавистью взглянула сперва на миссис Ларкинз, а потом на своего супруга, тут же нырнувшего под стол в поисках упавшей монетки.

– Хм, – тоненько откашлялась растерявшаяся миссис Ларкинз. – Действительно, как-то вылетело из головы. А ты не представишь меня своей новой знакомой? – все же сумела вернуть себе прежнюю уверенность незыблемая опора местного общества.

– Конечно. Это мисс Кендал, – указал Том на свою безучастную спутницу.

Мисс Кендал равнодушно смотрела в окно, словно не замечая, что беседа идет именно о ней. Ее собранные в косматый хвост рыжие, как морковка, волосы странным образом подчеркивали тонкие, как ниточки, прямые брови. Она держала в руках кружку пива, но едва ли сделала хоть один глоток.

– Гм. Мисс Кендал! – робко позвал Том, потом что-то сообразил и потрогал соседку за рукав. Она резко повернулась, словно ее вывели из глубокой задумчивости.

– Миссис Ларкинз хочет с вами познакомиться, – проговорил Том, с волнением теребя воротник рубашки.

Спутница смотрела на него, нахмурившись, словно силилась понять, о чем это он.

– Добрый день! – расплылась в улыбке миссис Ларкинз. – Так приятно познакомиться с подругой Тома! Вы надолго в наши края? – И она уже уютно устроилась напротив загадочной гостьи, поедая ее глазами.

Мисс Кендал нахмурилась еще больше и вопросительно взглянула на Тома. Он как-то странно охнул и проговорил, смущенно отводя глаза:

– Мисс Кендал глухонемая. Она может читать по губам, но лучше говорить медленно.

Мисс Кендал, не сводившая в это время с него глаз, уверенно кивнула головой и посмотрела на миссис Ларкинз.

Миссис Ларкинз не скрывала своего удвоившегося интереса. Ее подруги подтянулись поближе, вытянув морщинистые украшенные искусственным жемчугом шеи, боясь пропустить хоть слово.

– Добро пожаловать в Хаутон-ле-Оутомн, дорогая! – поедая гостью глазами, почти по слогам и почему-то на полтона громче проговорила миссис Ларкинз.

– Сара, дорогуша! Ты напрасно так кричишь! Наша гостья не слышит! Достаточно лишь четче произносить слова! – За столик уже присаживалась заклятая подруга миссис Ларкинз, Энн Милн, жена местного аптекаря. – Добрый вечер! – прошебетала она, уткнувшись морковно-рыжей гостью в лицо, чуть не буравя ее своим длинным худым носом.

– Вы к нам надолго? – хором произнесли они, пытаясь отжать друг дружку от объекта исследования.

Незнакомка лишь кивнула в ответ местным кумушкам и повернулась лицом к Тому, делая руками малопонятные знаки, которые привели беднягу в еще большее замешательство. Похоже, нездоровый интерес к его скромной особе ужасно смущал Тома Литтла.

– Она приехала на месяц, может, задержится чуть дольше, – застенчиво проговорил он, то и дело посматривая на свою знакомую.

– Том, почему же ты скрывал от нас свою невесту? – сделала пробный бросок миссис Ларкинз.

Том интенсивно затряс головой, словно пытаясь стряхнуть с лица выражение дикого ужаса, появившееся на нем от такого безумного предположения.

– Она просто приехала погостить, – продолжал он трясти головой. – От общества глухонемых. Я разрешил. За небольшое вознаграждение! Мы только вчера познакомились!

Видя возбуждение, которое охватило ее временного покровителя, мисс Кендал успокаивающе улыбнулась ему, и впервые ее лицо стало казаться действительно милым, каким-то обаятельным и располагающим. Она похлопала Тома по руке и показала на часы и на дверь. Видимо, давая понять, что им уже пора.

Местные дамы, удовлетворившие свое любопытство лишь на одну сотую долю, страшно разволновались и, видя готовность загадочной пары покинуть паб, ринулись в атаку.

Рыжеволосая мисс Кендал была тут же утянута за соседний стол и усажена играть в карты, впрочем, игра так и не началась, любопытство помешало приятельницам даже раздать карты. Мужчины подхватили Тома и, будучи в душе не меньшими сплетниками, чем их жены, забросали его миллионом разных вопросов, на большинство которых, к счастью, сами же и ответили.

Мисс Кендал проявляла не больше разговорчивости, чем ее спутник, зато получила не меньше пяти приглашений на чай и обещаний навестить ее в ближайшее время.

Отсутствующий, замкнутый вид гостьи, несколько не тормозил расцвет местного гостеприимства, густо замешенного на нездоровом любопытстве и бестактности.

Только два часа спустя Тому Литтлу и его гостье удалось выбраться из паба. Оба, вконец измочаленные бурным интересом, проявленным к их особам деревенскими жителями, они, не задерживаясь, припустили к своему коттеджу, опасаясь прибытия свежего подкрепления, ибо весть о глухонемой гостье Тома уже облетела всю деревню. И теперь добрая ее половина

сидела в пабе, горячо обсуждая невиданное происшествие и строя предположения, как будут развиваться отношения между вышедшей парочкой, а также фигуру и внешний вид гостыи, и ее своеобразные манеры.

– Крыса! Мерзкая, подлая крыса! Хорек! Коварный иезуит! – Юля шваркнула пакеты с покупками в дальний угол и со злостью пнула ногой и без того еле живой стул.

Едва войдя в магазин, первое, что Юля увидела, был огромный полицейский плакат: «Search» и Юлино фото размером с лист А4.

Такие плакаты висели на входе, выходе и возле каждой кассы. Ступор, сразивший беглянку наповал, был подобен моментальной заморозке. Словно на видео нажали кнопку «пауза».

Она бы так и стояла, изображая памятник самой себе до самого ареста, если бы идущий за ней Том не пропихнул ее внутрь. Мельком взглянув на полицейскую листовку, он равнодушно прошел в зал, увлекая за собой Юлю. Он что, меня не узнал? Или просто не растерялся и утащил от греха подальше?

Юля взглянула на своего приятеля. Да, заподозрить в Томе такую сметливость мог только безнадежный оптимист. Его голубые глаза излучали обычную рассеянную безмятежность. Он просто не увидел плаката. А если бы увидел? Интересно, он бы ее сдал полиции? Спрятал или выгнал из дома, а потом уже сдал? Предугадать действия человека, столь неординарного, было необычайно сложно.

В итоге пришлось быстренько покидать в корзину все, что под руку попало, уже не задумываясь о выборе. Как она смогла пройти кассу, Юля до сих пор не помнит, в памяти засел лишь животный ужас: «Узнают? Не узнают?»

Но каков инспектор! Коварный, мерзкий хорек! Надо думать, что подобные плакаты расклеены по всему графству. Обложил, одним словом! Юля зло скрипнула зубами. А она еще сомневалась, правильно ли поступила!

Попинав еще немного стул, Юля обессиленно плюхнулась на кровать. Ладно, хватит психовать, надо собраться. По какой-то невероятной случайности ее никто не узнал. Примем как данность и перейдем к другим проблемам.

А их хватало.

Первое. Маскировка. Теперь придется всерьез подумать над своей внешностью. Из дома абы как не выйдешь. И тут встает проблема номер два. Гораздо серьезнее первой.

Как долго соседи Тома ее не заметят? День? Два? Да нет, о чем это она? Мы же в деревне. А значит, уже к вечеру по деревне поползут слухи, что у Тома Литгла, у того самого Тома Литгла поселилась какая-то незнакомка. Деревенские сплетни вещь страшная. А значит, надо действовать на опережение, пока какая-нибудь кумушка не задала Тому невинный вопрос: а кто это у тебя поселился? Долго фантазировать не надо, чтобы предугадать его простодушный ответ.

Поэтому ответ лучше придумать заранее и самой.

Что могут подумать обыватели, увидев в его доме симпатичную молодую даму? Последнее относилось, разумеется, к ней.

У Тома появилась любовница? Невеста? Юля представила себе высокую, объемную фигуру нового друга, с покатыми плечами и несколько раздавшейся талией, его белесые кудрявые волосы до плеч и глаза пятилетнего ребенка. Отпадает. Будь на его месте любой другой парень, эта версия могла бы прокатить, но с Томом... Юля вздохнула.

Приехала дальняя родственница? Не годится. Том родился и вырос в Хаутон-ле-Оутомн. Наверняка каждая дворняжка в деревне знает его родственников наперечет. Если таковые вообще имеются.

Мало того, дело усложнялось Юлиным кошмарным акцентом. Сойти за англичанку ей ни в жизнь не удастся. А известие о том, что у Тома поселилась некая иностранная особа, уже через пару часов приведет полицию на его порог.

И что делать? Не высовывать нос из дома? Прятаться за задвинутыми занавесками? Передвигаться на четвереньках, чтобы из соседнего окна не заметили? Или отсидеться в подвале? А может, поднять лапки вверх и сдать полиции?

Эх, была бы она в Лондоне, могла бы десятилетия скрываться от правосудия без всякого риска.

Что же делать? Как быть с акцентом? Она ведь рта открыть не сможет.

Рта открыть не сможет. Не может разговаривать. А кто еще не может разговаривать?

Глухонемые! Юля подняла поникшую голову. В ней родился свежий, восхитительный по своей простоте план.

Она глухонемая, которую Том согласился принять у себя по договоренности с британским обществом глухонемых, на несколько летних месяцев за умеренную плату! Супер! Сейчас быстренько выясним по Интернету, есть ли в Британии такое общество и как оно называется. В крайнем случае придумаем благотворительный фонд или ассоциацию. Докапываться вряд ли кто-то станет. Том дурачок, а я немая, что с нас взять! – радостно потирала ладошки Юля. Даже если такого общества не существует, не беда, могли же мы что-то перепутать!

Глаза у Юли горели, как два софита. Она уже просчитывала возможную выгоду. Во-первых, она может смело разгуливать по деревне, подслушивая чужие разговоры. Ее ведь не будут стесняться, она же глухая! А это очень удобно, когда ты собираешь секретные сведения. Во-вторых, она может смело прикидываться дурочкой. Все сочтут это естественным. Злобные деревенские фурии вообще склонны считать только себя, любимых, самыми умными. А дружба с Томом Литтлом уже основание для сомнений в чужих умственных способностях. Это тоже очень выгодно для дела, когда тебя недооценивает противник. Юля может не понимать того, что ей говорят или о чем спрашивают, по своему собственному выбору. Что тоже невероятно удобно!

Юля вскочила с кровати, полная энтузиазма. Как только Том вернется с работы, она тут же его проинструктирует, и они отправятся на прогулку по деревне, нанося этим упреждающий удар по деревенским сплетницам! Гениально!

Вот еще! Чтобы избежать ненужного любопытства и навязчивого интереса, будет лучше, если она вопреки своей привычке не станет разыгрывать из себя подобную идиотку, а напротив, изобразит личность угрюмую и нелюдимую, замкнутую и необщительную!

Надо потренироваться. А то расплывется в счастливой улыбке в самый неподходящий момент.

Жажда деятельности захватила ее с небывалой силой. Именно в такие моменты она совершала большую часть безрассудств, которых хватало в ее замужней жизни. До брака с господином Ползуновым все Юлины авантюрные наклонности пребывали в летаргическом сне. Более того, она о них даже не догадывалась, ведя жизнь скучную, благопристойную, лишенную глупых забот вокруг склепов под луной и выпрыгиваний из окон с целью спасения от возможного ареста. Потому как и нужды-то такой не возникало.

Глава 10

Попалась! Теперь уж точно попалась!

Инспектор Хоггарт сидел у себя за столом и сердито смотрел в окно.

Что за ерунда такая? Прошли уже сутки, а русскую так и не нашли. Вчера, когда ее бешеный муж накинулся на него, инспектор жутко разозлился. Все эти толстосумы из третьих стран и представления не имеют о правосудии и правопорядке, установленных в нормальных, цивилизованных странах. К тому же была задета профессиональная честь инспектора. И он решил проучить несдержанного олигарха, самостоятельно отыскав его взбалмошную супругу в течение нескольких часов, допросить ее построже и великодушно отпустить домой. Поскольку, естественно, был уверен, стреляла не она. Даже для такой легкомысленной особы было бы просто безумием засунуть оружие убийства в сумку, а сумку забыть на парковой дорожке в двух шагах от полиции.

Но вот прошли уже сутки, а о ней ни слуху ни духу. Подобный поворот событий приводил бравого инспектора в отчаяние. А может, он ошибся, посчитав, что она просто где-то спряталась неподалеку и ждет удобного момента, чтобы прокрасться домой? В конце концов, убегая, она прихватила сумку, а в ней наверняка деньги и кредитки. Кредитки! Немедленно заблокировать! Да что теперь толку? Она наверняка уже в Лондоне, обналачила достаточно денег и сидит себе, посмеиваясь, в каком-нибудь отеле. Да нет. Какой отель! Она давно уже улетела из страны! Пока он, самодовольный идиот, лелеял планы мести.

Инспектор протяжно вздохнул, пытаясь придумать другое, более приемлемое, объяснение отсутствию русской. Но, как назло, ничего умного в голову не приходило. Ну не на дереве же она сидит!

Язык знает плохо, ее фотографиями обклеены оба графства. Да стоит ей высунуть нос на улицу, мигом попадетя! Однако же не попалась.

Инспектор злобно стукнул кулаком по столу, а потом вызвал сержанта.

– Прекратите поиски русской, дайте запрос в таможенные службы. Когда узнаете, как покинула страну миссис Ползунова, о результате доложить немедленно.

Инспектор представил себе насмешливые взгляды обитателей Гарта, особенно их русских гостей, и скрипнул от злости зубами.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, он взял листок с отчетом криминалистов и углубился в чтение, пытаясь в десятый раз рассмотреть между строк какую-нибудь зацепку.

Отчет он знал уже наизусть. Выстрел был сделан с расстояния примерно двухсот футов. Точную точку выстрела обнаружить не удалось. Но, предположительно, выстрел был произведен с аллеи, неправильным полукругом окаймляющей луг, на котором русская обнаружила Стива Янга. Если исходить из предположений полиции, а инспектор с помощниками потратили почти полдня, пытаясь восстановить картину происшествия, убийца следовал за жертвой на небольшом расстоянии, не спеша выбирая точку выстрела. Вероятно, жертва остановилась возле скамьи и в какой-то момент оказалась на линии прицельного огня. Но все же он или она сочли нужным сделать второй выстрел. Либо первый раз убийца промазал, либо хотел сделать контрольный выстрел. А возможно, вообще стрелял в свидетеля. Янга спасло только неожиданное падение.

Хотя возможна и другая версия. Если верить семейству Апон-Тайнов, то истинной жертвой был Янг, что лично инспектору представлялось весьма сомнительным. Да и сам Янг, по видимому, был согласен с инспектором. Но даже если предположить такую вероятность, то, значит, убийца следовал за Янгом на небольшом расстоянии и, сочтя обстоятельства благоприятными, произвел выстрел. Промазал, выстрелил второй раз, но падение спасло потенци-

альную жертву, зато Шарлотта Грейсток стала жертвой катастрофического стечения обстоятельств. Инспектор нахмурился.

Для кого-то другого подобное стечение обстоятельств было бы однозначным свидетельством того, что версия ошибочна, слишком фантастична и притянута за уши. Но инспектор Хоггарт никогда не считал, что убийство обязательно должно быть тривиально.

Он был человеком неглупым и наблюдательным и имел достаточно оснований считать, что судьба гораздо прихотливее и изобретательнее, чем нам это когда-либо представлялось. Можно с ума сойти, если перебрать все невероятные случайности, которые происходят с людьми, и те последствия, к которым они приводят.

Некая миссис Джонс разбивает утром любимую чашку, наступив на противного черного кота, которого обожает ее супруг, и категорически отказывается выкинуть на помойку. Она набрасывается на сидящего у телевизора супруга. Обрюзгшего типа, небритого и с пивным животом, который к тому же работает уборщиком в ресторане. Он тоже заводится, но выяснять отношения некогда, надо спешить на работу. Он приходит в ресторан и берется за швабру. Находясь в крайнем раздражении, он нечаянно задевает шваброй за стоящий возле емкости с тестом пакет чистящего порошка, настроение у него хуже некуда, он берет и цинично замешивает его в крем: «Нате, угощайтесь!» В этот вечер в ресторан приходит супружеская пара, они ужинают, у них годовщина свадьбы, двадцать лет совместной жизни. Муж пробует пирог, у него начинаются рези в животе, его отвозят в больницу, там он встречает хорошенькую медсестру, влюбляется, разводится с супругой, бросая ее с двумя детьми, и женится на медсестре. На следующий день после свадьбы проходит мимо знакомого ресторана, где тот же самый уборщик, вновь поссорившийся с супругой, проливает ведро с водой. На улице мороз, лужа уже схватилась льдом, наш молодожен поскальзывается, разбивает голову о тротуар, по прибытии в больницу умирает на руках у молодой жены. Совпадение?

Или брошенная супруга, зная, что тот еще не успел изменить завещания, переписав все имущество на новую супругу, и хорошо представляющая утренний маршрут мужа, подкупила уборщика, чтобы тот создал опасную для жизни ситуацию? А может, она сама толкнула уборщика и отвлекла его беседой, не дав убрать воду с тротуара?

А может, все подстроила медсестричка, состоявшая в сговоре с уборщиком? А может, они вместе разработали план по охмурению несчастного типа из-за огромной страховки?

Может, все может быть. А может, это провидение Господне играет с нами как ему заблагорассудится.

На этой лирической ноте инспектор был прерван своим помощником, просунувшим голову в кабинет.

– Шеф, Юлия Ползунова страну не покидала, – проговорил он.

Хряп. Инспектор треснул кулаком по столу, так что стаканчик с ручками подпрыгнул, а крышка старого ноутбука опасно покачнулась. Инспектор Хоггарт испытал целую гамму чувств. Облегчение, радость, злость, надежду, самодовольство.

Ну, теперь она от него точно не уйдет! А этот русский миллионер еще убедится, что такое работа английской полиции!

– Она где-то в Лондоне, скорее всего в отеле. Начните с пятизвездочных, – отрывисто распорядился Хоггарт, детектив кивнул и уже собрался закрыть дверь, но инспектор крикнул ему вдогонку: – Ньюкасл тоже проверьте, мало ли...

– А плакаты в округе снимать?

– Да. Ее тут точно нет, – уверенно кивнул инспектор.

Глава 11

Что дальше?

Юля сидела за обеденным столом, раскрыв обычную школьную тетрадку в клеточку, и, наморщив лоб, смотрела в светлую дверцу кухонного шкафа.

Как найти убийцу? Проще простого. Если принять за аксиому, что пистолет ей подбросил именно он.

А кому бы еще это понадобилось? Пишем.

Кто находился рядом с трупом после его обнаружения:

1. Я
2. Стив Янг
3. Василий
4. Вероника
5. Джон
6. Ник
7. Саманта
8. Виктория
9. Адам
10. Инспектор и его люди

И все?

Юля озабоченно потерла лоб. Вычислять преступника было просто не из кого. Юля еще немного посмотрела на список. Попробуем зайти с другой стороны. Посмотрим на дело непредвзято. Кто точно не мог совершить преступление? Определенно она сама, а еще Василий, Ника и Джон. И еще Стив Янг. Ах да, еще инспектор и его банда.

Про остальных Юля так категорично утверждать не могла. Конечно, они все очаровательные, милые люди, но труп в морге не по собственной инициативе появился. Значит, кто-то все же убил старушку. Если отбросить эмоции, то что конкретно она знает о членах семьи Апон-Тайн?

Да ничего особенного. Не больше, чем о соседях по подъезду в Петербурге. То есть практически ничего. Да, Ник большой оригинал, рокер, байкер и молодожен. Веселый, раскованный, жизнерадостный, общительный. А что же кроется за этим фасадом? А фиг его знает.

Саманта. Простодушное дитя, порхнувшее, словно Золушка из закопченной кухни в сказочный дворец. Да, она кажется милой, непосредственной, искренней, немного растерянной. А если это маска? А если у нее есть любовник, молодой и мускулистый, с которым ее застукала Шарлотта? Нет, застукал, наверное, Стив Янг.

Юля вспомнила дворец Апон-Тайнов, ради такого теплого, то есть роскошного, местечка под солнцем можно запросто кого-нибудь пришить. Конечно, еще вчера утром Юля была совершенно искренне уверена, что Сэм без ума от мужа. Но то было вчера. И потом ей всегда было свойственно думать об окружающих лучше, чем они того заслуживали, и долго оправдывать их в случае подлости или предательства, придумывая весомые причины. Юля знала за собой эту особенность и теперь старалась взглянуть на вещи трезво. Что бы о них сказал Василий?

Юля задумалась. Нет, она потрясла головой. Этот взгляд трезвым точно не назовешь. Василий в отличие от жены жил в вечном окружении на поле боя. Кругом враги, доверять никому нельзя. И как это ни грустно, частенько оказывался прав. Но такая пессимистичная точка зрения действовала на нее угнетающе. Нет, лучше уж самой разобраться.

Адам. Тихоня. А тихони, как известно, самые опасные люди. Потому что никто точно не знает, что у них на уме. Они скрытны, не проявляют своих эмоций, не болтают лишнего, долго раздумывают, прежде чем сделать. Гм. Здесь стоит покопаться. Юля мечтательно уставилась в потолок.

Вот только Джона жалко. Он такой славный, искренний, добрый, благородный. При воспоминании о будущем зяте на душе у Юли сперва потеплело, а потом заскребли кошки. Он такой славный, а она собирается его родственников за решетку упечь.

Юле стало не по себе. А может, бросить это все, пока не поздно? Ну, кто ей эта Шарлотта? Никто. А что касается полиции, то, может, они и сами разберутся? Юле вспомнился инспектор. Его наглая, самодовольная физиономия и нахрапистая манера вести допрос. Нет. Они не разберутся. Они козла отпущения уже выбрали. Юля стиснула челюсти и написала:

Виктория. Собранный, решительный, волеватый. Хороший организатор, прямолинейна или хорошо играет роль. В таком случае достоверна. Занимается благотворительностью. Значит, добра? Спорный вопрос. Есть люди, которым легче осчастливить полмира, чем собственных близких.

Ни вкусов, ни слабостей Виктории Юля не знала. Они встречались за столом, вели легкие светские беседы. В них Виктория, кстати, участия почти не принимала. Не считая нужным попусту сотрясать воздух.

Да, цельная личность. Такая из-за пустяка убивать не станет. Ей нужен веский довод. Угроза. Вопрос, какая угроза может толкнуть ее на столь решительные меры.

Финансовая угроза? Однозначно нет. Такие вопросы она решит иначе, легальным путем. К тому же Юле показалось, она не сильно привязана к роскоши. И несмотря на финансовые возможности, ведет трудовой образ жизни, тщательно следя за своими тратами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.